

The background of the cover is a dark, moody illustration. It features a woman with long, dark brown hair and green eyes, looking slightly to the right. She is wearing a dark green dress. The background is a dark, textured blue and green, with silhouettes of gnarled trees and branches. There are many small, glowing yellow and orange stars or lights scattered throughout the scene, giving it a magical or ethereal feel.

УНА ХАРТ

ДИКАЯ
ОХОТА

ВЫЙТИ НА ОХОТУ, ЧТОБЫ ОТЫСКАТЬ СЕБЯ

Young Adult. Книжный бунт. Фантастика

Уна Харт
Дикая Охота

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Харт У.

Дикая Охота / У. Харт — «Эксмо», 2020 — (Young Adult.
Книжный бунт. Фантастика)

ISBN 978-5-04-111938-6

Теперь Грейс – часть Дикой Охоты. Тринадцатый всадник. Ее лошадь – бывший велосипед, а компаньон – голова Александра. Грейс очутилась на Той Стороне, но ей по-прежнему надо придумать, как спасти маму от сумасшедшего брата-близнеца. И как вытащить тетку из каменного царства троллей. Найти новых друзей, раскрыть прошлые тайны, обрести семью. Остановить зло несложно, главное – самому не стать им.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-111938-6

© Харт У., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава I	7
Глава II	14
Глава III	22
Глава IV	29
Глава V	38
Глава VI	47
Глава VII	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Уна Харт Дикая Охота

© Харт У., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ТРОЛЛИЙ ПИК ДИКАЯ ОХОТА

УНА ХАРТ

ДИКАЯ ОХОТА

Москва
2020

Глава I

КРИС

Служащий аэропорта сверил номера бирок на чемодане и в билете. Причем досмотру подвергли только меня, а другие немногочисленные пассажиры нашего рейса беспрепятственно прошли мимо. Даже неприятный парень, который весь полет заливал глаза виски, не вызвал никаких вопросов.

Я не стал возражать и покорно позволил служащему делать свою работу, хотя еще год или два назад полез бы в бутылку и душу из него вынул бы, допытываясь, с чего вдруг такое внимание. Ах да, разумеется, я же иммигрант, несмотря на то что родился в этой стране, и наверняка собираюсь обчистить кого-нибудь в аэропорту. Вон тот саквояж возраста моей бабушки присмотрел еще до вылета. Люблю винтаж, знаете ли!

Все это я вывалил бы на сотрудника аэропорта раньше – но не сегодня. Мама сказала бы, что я поумнел. Я бы ответил, что стал трусливее.

Я вообще не планировал брать чемодан, но родители передали столько подарков для Грейс, что в рюкзак они бы не влезли. Сам я даже не был уверен, что Грейс будет рада меня видеть, с багажом или без. Последний месяц выдался паршивым, мы почти не переписывались. В конце концов я решил, что в крайнем случае просто передам ей гостинцы и ближайшим рейсом вернусь домой.

Аэропорт Фьельби оказался крошечным, но спасибо и на том, что до этой дыры вообще можно добраться прямым рейсом. Я огляделся в поисках таксистов, но не заметил ни одного. Пассажиры почти все разошлись, лишь рядом с расписанием стояла девушка в теплом пальто – наверное, ждала кого-то.

Я достал из кармана телефон: заряда осталось совсем мало, батарея в последнее время садилась очень быстро. Мобильные данные посадят ее еще быстрее, но мне срочно нужно было вызвать такси. На Uber тут не стоило рассчитывать, придется искать номер местной компании. Но едва я открыл браузер, как телефон отрубился.

– Черт! Серьезно?!

Я спохватился, что сказал это слишком громко.

– Эй, парень, нужна помощь?

Я поднял взгляд. Тот самый пьяный тип из самолета! Покачивается, но на ногах еще держится, да и говорит разборчиво.

– До города подбросить? Пошли, моя девушка тебя отвезет, она приехала меня встречать. Она всегда меня встречает. А знаешь, почему? Потому что ску-ча-ет... Телочки должны скучать, понимаешь?

От него так разило спиртным, что я отодвинулся, стараясь сделать это незаметно.

– Стен, – парень протянул мне руку, которую я неохотно пожал.

– Крис.

– Ну так что, поехали? Тебе куда вообще?

Я написал Грейс перед вылетом, но, кажется, сообщение не дошло. В любом случае я узнаю, ответила она мне или нет, только когда смогу включить смартфон. Нужно найти место, где можно зарядить батарею и по возможности выпить горячего чая. Если бы только не сомнительное удовольствие ехать с этим типом в одной машине...

«Телочкой» оказалась та самая девушка в пальто. У нее были тонкие обесцвеченные волосы и короткая стрижка, которая делала лицо острым, как у птицы. Стен одной рукой

довольно грубо притянул ее к себе. Девушка не дернулась и не отодвинулась, будто такое обращение было ей не в новинку.

– Привет, я Салли. Вы друг Стена?

Вот уж нет!

– Крис – нормальный парень, – ухмыльнулся новый знакомый. – Ему нужно в город, так что он поедет с нами. Найдем же еще место в машине, правда?

– Это совсем не обязательно, – возразил я, глядя только на Салли, но, как ни пытался поймать ее взгляд, она все время смотрела куда-то в другую сторону. Стен ее так запугал или это просто привычка?

– Нет-нет, без машины вам не добраться, а мне совсем не сложно, – сказала наконец девушка без всякого выражения.

Другого выхода, похоже, и вправду не было. Либо ехать с ними, либо задержаться в аэропорту и искать, где можно зарядить телефон. Но на табло не значилось больше ни одного рейса на сегодня и в зале ожидания не осталось ни души, кроме нас и уборщика, катившего полмоечную машину. Что, если они в этом Фьельби просто закрывают здание на ночь, а припозднившихся пассажиров выгоняют на улицу?

Пришлось согласиться.

Меньше всего я люблю находиться в замкнутом помещении с незнакомыми людьми и поддерживать вежливый разговор. Если вообще можно поддерживать разговор с пьяным креатином, который все время то щелкает радиоканалами, то наглаживает коленку своей девушки, пока она пытается управлять машиной.

Салли и без того водила неосторожно: слишком быстро для таких извилистых дорог. Когда крупными хлопьями повалил снег, закрывая обзор, она и не подумала сбросить скорость. Наверное, хорошо, что я поехал с ними, – хотя бы смогу занять Стена, чтобы он не отвлекал Салли. Должно быть, она тоже об этом подумала, потому что мне даже не пришлось подыскивать тему для беседы.

– Крис, ты здесь впервые? – спросила Салли. – Прилетел на лыжах покататься?

– Нет, приехал к своей девушке.

Салли мельком улыбнулась. Стен оживился и обернулся ко мне, натянув ремень безопасности.

– Девушке? Я тебе вот что скажу, приятель. Слушай меня. Короче, – он выдохнул, наполняя салон алкогольными парами. – Если она тебя не ждет, значит, шлюха. Вот Салли меня всегда ждет. Я всегда знаю, где она, понимаешь? Главное, не оставлять девушку надолго одну, потому что... Ну, ты и сам знаешь!

Одни люди под градусом становятся добряками, а из других вылезает все дерьмо, которое трезвыми они держат в узде. Зачастую первые быстро переходят в разряд вторых.

Наверное, Стен заметил выражение на моем лице, потому что насупился.

– Ты что, не согласен?!

– А она знает, что ты прилетел? – быстро перебила его Салли.

Боже, ей ведь наверняка еще и стыдно за этого козла!

– Пока не знает, – честно ответил я. – Мы некоторое время не общались.

– Поссорились?

– Да нет, просто...

Просто я идиот и чуть было не загремел в тюрьму. Поэтому вместо того, чтобы поддерживать свою девушку, когда ее мать пропала, разгребал кучу неприятностей. Молодец, Крис, так держать!

– Было много дел, – обтекаемо ответил я. – Так что это будет сюрприз.

– Лучше купи букет, – посоветовал Стен глухим голосом. Должно быть, его тошнило, или клонило в сон, или и то и другое сразу. – Телочки любят цветы, особенно если ты напортачил.

Когда промзона закончилась, открылся вид на Фьэльби. Дома дремали под белыми шапками – я никогда раньше не видел столько снега. Там, где мы с Грейс выросли, он выпадал редко. Здесь же сугробы были хозяевами положения.

Городок трогательно жался к горному кряжу, покрытому лесом и нависающему над Фьэльби, как темный стражник, оберегающий жителей от напастей. Вдали виднелись опоры канатной дороги: маленькие рогатые жуки на белоснежном поле.

Из этого городка можно было варить глинтвейн, таким он казался апельсиново-винным, наполненным духом Рождества. Гирлянды разноцветных фонариков украшали кирпичные дома с пестрыми ступенчатыми фасадами и черепичными крышами, разгоняя густые синие сумерки. Сугробы походили на шапочки зефира, а подсвеченные витрины магазинов выглядели сделанными из леденцов.

– Где тебя посадить? – спросила Салли.

Хороший вопрос! Хотел бы я сам знать... Благодаря геотегам в инстаграме Грейс я примерно представлял, в каком районе они с теткой живут, но точного адреса у меня не было. Не мог же я просто выйти из машины и спрашивать всех подряд, не знакомы ли они с Грейс Берг, у которой пропала мама.

– Где-нибудь в центре города, если можно. Я бы хотел зайти в кафе и зарядить телефон, а то у меня батарея на нуле.

Салли так резко крутанула руль, что я ударился плечом о боковую дверцу. Судя по глухому звуку с переднего сиденья, Стен тоже приложился.

– Салли покажет тебе лучшее кафе в городе, – пробормотал он. – Ей ли не знать – сама там работает!

«Лучшее кафе» пряталось между двух темных домов и выделялось только благодаря светящимся окнам. Наверное, летом здесь выносят наружу столики и посетители греются на солнце, попивая лимонад. Название на вывеске стерлось, зато остался год открытия: 1955. Ничего себе, долгожитель! Повезло этому заведению, что оно не разорилось и не уступило место какой-нибудь сетевой забегаловке, которые все на одно лицо.

– Тебе сюда, – подсказал Стен. За время поездки он слегка протрезвел, и стоило машине притормозить, как принялся опять наглаживать колено Салли, которая осталась к этому совершенно равнодушна. Хотел бы я поговорить с ней с глазу на глаз, спросить, не нужна ли помощь... Но, скорее всего, она ответит, что это не моего ума дело.

Поблагодарив, я выбрался из машины. Контраст между салоном и улицей оказался ошеломительным. Не помню, когда в последний раз мне было так холодно! Снег, выглядевший через окно мягким и пушистым, мгновенно залепил глаза и рот. Колесики чемодана тут же увязли. Пришлось схватить его в охапку и брести к дверям кафе, проваливаясь в сугробы по щиколотку. Кроссовки немедленно промокли насквозь. Да уж, не рассчитал я с одеждой...

Когда я вошел внутрь, в глаза тут же ударил яркий свет. Кафе было забито до отказа – должно быть, во Фьэльби не так много мест, куда можно пойти повеселиться. За круглыми столиками сидели компании из трех-четырех человек, тесно прижимаясь друг к другу плечами. На стенах висели фотографии посетителей: ни одной знаменитости, хотя обычно владельцы не против прихвастнуть тем, что у них побывала Мадонна или у Red Hot Chili Peppers сломалась машина как раз напротив. Но здесь со снимков смотрели обычные люди. Они сидели за такими же столиками, смеялись, болтали и наверняка очень удивились, что кто-то их сфотографировал.

У барной стойки собрались парни и девушки помоложе. Одни разговаривали, другие молча пили пиво, сдувая плотную пушистую пену. Поодаль я заметил группу громко спорящих людей в неоновом-оранжевых жилетах.

Свободных мест почти не осталось, но мне удалось отыскать незанятый стул в углу у стойки, да еще прямо рядом с розеткой. Вот это удача! Я кое-как пробрался туда, поставил чемодан к стене, чтобы не мешался, и вскарабкался на сиденье. Поискав в кармане переходник, подключил к нему телефон, сунул вилку в розетку...

Ничего не произошло. На всякий случай я пошевелил разъем, но впустую. Если тут и было напряжение, исходило оно только от меня.

– Послушай, ты всерьез думал, что в такой вечер единственное свободное место окажется возле работающей розетки? Да ты мечтатель!

Я обернулся и увидел парня, похожего на молодого лиса. Странная внешность: кожа тонкая и белая, как молоко, россыпь веснушек разбежалась по переносице и щекам, а взъерошенные волосы – такого густого медного оттенка, который встречается только у по-настоящему рыжих людей. Возраст определить было сложно. Мне показалось, что если парень и старше меня, то лишь на пару лет. Уже не школьник, но еще и не тот, кому продают алкоголь без удостоверения личности.

На незнакомце красовалось черное пальто с золотыми пуговицами и эполетами в стимпанковском стиле. Эффектно, но тоже явно не по погоде. На стойке перед ним стояла кружка пива. Ага, значит, ему все же больше двадцати...

– Я просто всегда надеюсь на лучшее, – ответил я, и внезапно телефон ожил. На черном экране замигал значок заряжающейся батарейки.

– Или ты тот еще везунчик, – уголки губ веснушчатого приподнялись. Было в его поведении что-то слишком развязное, чтобы сойти за обычную болтовню с незнакомцем. Могло показаться, что он заигрывает, но обычно парни со мной не флиртуют.

– Не думай, что я навязываюсь, – внезапно добавил он. – Я просто очень дружелюбный и люблю знакомиться с новыми людьми. Тем более что ты не местный... Тебе кто-нибудь говорил, что ты похож на Тимоти Шаламе?

Подобное я слышал впервые. То, как сосед по стойке произнес «очень дружелюбный» и «люблю знакомиться», вовсе не звучало так уж невинно.

– С чего ты взял, что я издалека? – задал я самый дурацкий из всех возможных вопросов. Ну, конечно, с чего бы ему так думать? Единственный смуглый человек в кафе, где все посетители выглядят так, будто лет сто не видели солнца!

– У тебя чемодан с собой. К тому же был бы отсюда, не надел бы кожаную куртку, – усмехнулся парень. – Я тоже понятия не имел, что тут можно околеть от холода... Кстати, меня зовут Финн.

Рука у него оказалась тонкая и прохладная, и смотрел он так, будто нырял в мои зрачки и плавал там, как в пещерном озере.

Телефон у меня на коленях уже начал нагреваться, и я положил его на стойку. Еще немного, и можно будет включить. Тем временем я и сам согрелся. Хорошо бы еще заказать что-нибудь горячего, но денег было впреды...

Перед Финном стояла тарелка обглоданных бараньих ребрышек. Официантка, заметив это, быстро заменила их новой порцией, ничего не спросив, – видимо, он сразу заказал добавку. От блюда исходил аромат специй, на мясе блестели капли жира. Желудок у меня тут же стянуло тугим узлом.

– Хочешь ребрышек? – спросил Финн, указывая на тарелку. Этот вопрос прозвучал так, что у меня от стыда вспыхнуло лицо. – Я поторопился с заказом. Все равно один так много не съем.

– Он врет, – рядом с плечом Финна возникла девушка, такая же рыжая, как он, и с тем же лисьим выражением лица. Не настороженным, как у настоящего дикого животного, а насмешливым, как на картинке из детской книжки. Но сама незнакомка явилась скорее уж со старой пин-ап открытки: волосы были заплетены в две свободные косы, ярко накрашенные веки подчеркивали необычный зеленый цвет глаз, а помада на губах слегка смазалась. К здешней зиме девушка подготовилась лучше, чем ее спутник: на ней были теплый свитер со штанами и высокие сапоги, похожие на обувь для верховой езды.

– На самом деле Финн может проглотить ведро таких ребрышек, да еще запить их бочкой пива.

– Моя сестра Айрмед предпочитает виски.

– От виски голова не тяжелеет и не раскисаешь, – пояснила девушка.

Я вдруг поймал себя на том, что не могу отвести взгляда от ее губ с размазанной помадой. Алкоголем от Айрмед не пахло, только духами с ароматом тыквенного пирога.

– Я бы на твоём месте согласилась на ребрышки, они тут ничего. А мы просто терпеть не можем, когда люди голодны.

– Чистая правда. – Финн подвинул ко мне тарелку. – Угощайся.

В такие ситуации я раньше не попадал. Только что познакомился с людьми, и первым делом они предложили мне еду из своей тарелки... Но я не выдержал. Скомканно поблагодарив, схватил ближайший кусок, окунул его в острый соус и съел за пару секунд. Слизывал жирный сок с пальцев, высасывал мозг из костей, снова и снова обмакивал мясо в соус, пока блюдо совсем не опустело.

Финн подвинул мне кружку. Пиво оказалось таким холодным, что зубы сводило. Оно пахло хлебными корочками и немного – темным шоколадом. От первого же глотка по телу разлилось спокойствие. Я покосился на бармена – не спросит, сколько мне лет? – но тому, похоже, было все равно.

Когда я наконец сумел остановиться, на тарелке возвышалась горка костей, а пива осталось на донышке. Новые знакомые деликатно не смотрели на меня: Финн фотографировал сестру и уговаривал ее выложить снимок в сториз в инстаграме.

Над стойкой бубнил телевизор, начались новости. Часы на экране показывали восемь вечера.

– Извините меня, – буркнул я, и Финн с Айрмед синхронно обернулись. Глаза у них были одинакового цвета, и теперь, когда они сидели рядом, стало заметно, как они похожи. Только у брата веснушек оказалось больше.

– За что? – удивилась девушка.

– Я уничтожил всю вашу еду.

– Ничего, нам это только на пользу, – улыбнулся Финн, и впервые в его интонации я не заметил ничего, похожего на заигрывание. – В качестве ответной услуги можешь рассказать, что тут делаешь. Решил навестить любимую тетюшку?

– Девушку вообще-то. Она недавно сюда перебралась. Ей досталось за последнее время...

Я замолк. Вспомнил, каким было лицо Грейс, когда я приехал к ней тем самым вечером. В доме хозяйничала полиция, и меня пустили всего на несколько минут. Грейс не плакала, не кричала и выглядела совершенно спокойной. Сидела, уставившись на экран телефона, безучастная, отстраненная. Когда увидела меня, то сказала только: «Мама пропала, никто не знает, где она», и больше не проронила ни слова.

С тех пор мы почти не встречались: у меня как раз начались проблемы. А моя девушка тем временем отправилась на край света к тетке, о которой никогда раньше не слышала. И теперь я нежданно-негаданно свалюсь ей на голову. Выбрал момент, ничего не скажешь!

На прощание мама всучила мне образок со святым апостолом Иудой, покровителем безнадёжных дел. Я зачем-то взял, хотя понимал, как это глупо: Грейс никогда не была религиозной. Да и способен ли святой отыскать людей, которые исчезли из летящего самолета?

– Я вел себя, как сволочь, – неожиданно сказал я вслух. Кажется, ни Финна, ни Айрмед это признание ничуть не удивило. – На нее свалилось столько проблем, а я почти не писал ей. Был занят тем, что жалел себя.

– Нелады с законом? – поинтересовался Финн.

Я хотел вскинуться – какого черта?! Но вместо этого почему-то ответил:

– Да.

Прозвучало, будто я какой-то наркодилер! Не объяснишь же чужим людям, что я ничего особенного не натворил. Сделай то же самое любой другой парень, и в полиции бы просто побеседовали с его родителями и велели лучше присматривать за сыном. Но если ты из семьи иммигрантов, все по-другому. Бесплезно говорить об этом, да и я не обязан оправдываться перед незнакомцами.

– Напоминаем, что полиция все еще разыскивает семнадцатилетнюю Грейс Берг, – раздался голос телеведущей у меня над головой.

Ребрышки подпрыгнули в желудке, будто его резко сжал кулачищем великан. Слух внезапно так обострился, что я мог бы в переполненном баре услышать писк комара.

На весь экран теперь показывали Грейс. Не самая удачная фотография – должно быть, взяли из удостоверения личности. Вряд ли есть на свете люди, которые хорошо получаются при съемке анфас. Тут у нее слишком широкие скулы и маленькие глаза. Вживую она выглядит совсем не так... Боже, о чем я думаю?!

– Сделайте погромче! – требовательно крикнул Финн, но это было лишнее. Бармен и без его просьбы схватил пульт и прибавил звук, чтобы перекрыть разговоры. Спорщики в оранжевых жилетах повернулись к телевизору все как один, словно сурикаты, которым явилось их сурикатье божество.

– ...которая предположительно пропала в районе горы Троллий пик. Всех, кто знает о местонахождении Грейс Берг, просим звонить по телефону... Также, если вам известно, где сейчас Вивиан Берг, чью фотографию вы видите на экране, просьба обратиться к сотрудникам полиции.

Я уставился на худое лицо женщины, вместо одного глаза которой как будто проковыряли дыру... Грейс выкладывала в инстаграме только снимки дома. По чудовищно размытому изображению судить, как выглядит ее тетка, было сложно.

– Ничего нового, – разочарованно пробормотал кто-то.

Я слотнул. В ушах звенело, словно рядом стаями летали пищащие комары. Из оцепенения меня вывел Финн, хлопнувший ладонью по барной стойке. Краем глаза я заметил, как Айрмед прикладывает карточку к терминалу, пока ее брат достает из карманов россыпь монет, маленький фонарик, брелок, ореховую скорлупу и другой мелкий мусор... Девушка махнула рукой и сама положила несколько купюр наличными на чай.

Остальные посетители бара тоже вдруг пришли в движение, начали собираться. Казалось, все только и ждало этого выпуска новостей, а теперь спешили по своим делам.

– Куда вы? – растерянно спросил я, глядя, как Финн запахивает пальто, а Айрмед обматывает вокруг шеи зеленый вязаный шарф.

– Сперва в полицию, – отозвалась Айрмед. Она уже достала ключи от автомобиля и крутила их на пальце, пока ее брат застегивал позолоченные пуговицы.

– Зачем?

– Здесь девушка пропала, ты же слышал, – Финн явно спешил. Люди в неоновых жилетах тоже потянулись к выходу. – Я журналист, приехал делать об этом репортаж. Заехали вот только перекусить после дороги, а то потом всю ночь придется работать. А ты лучше отправляйся к своей... Постой-ка!

Айрмед резко спрятала ключи в кулаке и окинула мое лицо пристальным взглядом. Правая бровь дернулась, а вслед за ней и уголок губ.

– Только не говори, что Грейс Берг и есть твоя девушка, – медленно сказал Финн.

– Бывшая, – зачем-то ляпнул я и сам поморщился от того, как отвратительно это прозвучало.

Глава II

ВИВИАН

Когда находишься в замкнутом пространстве без окон, сложно определить, сколько времени прошло. Сначала Вивиан казалось, что она просидела взаперти уже сутки. Потом мерещилось, что не больше получаса.

Она уже бывала в этой комнате, но никогда – под замком. Огромная кровать с покрывалом, вышитым золотыми нитями; полки, заставленные безделушками из яшмы; бронзовые статуэтки птиц с глазами-топазами... Тролли знали цену камню и металлу, но определяли ее иначе, чем люди, предпочитая укреплять хрупкое и гнуть прочное. Интересно, подумала Вивиан, каково ее место в подобной системе ценностей?

Она уже успела обшарить каждый уголок темницы: заглянула за гобелены и под кровать, свернула ковер в рулон, чтобы убедиться, что под ним нет люка. Конечно, ничего не нашла. Если тролли хотят, чтобы ты оставался в комнате, ты не сможешь из нее выйти до самой смерти.

По крайней мере, здесь была дверь. Тролли часто обходятся без таких излишеств, поскольку им подвластны горные породы и стены сами расступаются перед ними. Двери используются исключительно для красоты. Но эта створка оказалась заперта и за ней дежурил охранник: Вивиан слышала его шумное дыхание даже через толстое дерево.

Лазеек не существовало. Она давно это поняла, но упорно искала возможность ускользнуть. Когда ты останавливаешься, ты умираешь. Уж этот гребаный урок она успела выучить.

От недосыпа и стресса голова раскалывалась, живот сводило, будто вот-вот должны были начаться месячные. Только этого не хватало! Тело требовало передышки, мозг горел от мыслей, а картинка перед глазами расплывалась. Из-за свечей в комнате было очень душно, и шея под волосами вспотела. Лепестки огня едва вздрагивали – это означало, что в помещении почти отсутствует движение воздуха.

Наконец Вивиан выдохлась, села на пол и оттянула ворот, чтобы немного остыть. Сегодня она в считанные часы лишилась всего, что было для нее ценно: отца, жилища и свободы. Ее жизнь рушилась, как картонный домик. Что ж, придется строить ее заново.

Когда в спальню вошел король троллей, Вивиан не удивилась. Она ждала его появления раньше. Значит, решил заставить ее понервничать... На толстых запястьях Сурта, поросших густой шерстью, гремели золотые браслеты. Красные бархатные одежды открывали треугольник мохнатой груди, украшенной многослойным ожерельем, а с мочки острого вытянутого уха свисали три крупные серьги.

Сурт выглядел грузным, но эта неуклюжесть была обманчивой. Казалось, стоит нырнуть под его локоть и выбежать из комнаты, как он завертится волчком, нелепо замашет руками... Но Вивиан знала троллей не первый год, и ее было не провести показной неповоротливостью.

Вставать и кланяться было не обязательно. У троллей был сложный запутанный этикет, но ее никогда не заставляли придерживаться этих обычаев – все-таки гостя. Тем не менее при виде короля Вивиан поднялась. Их лица все равно не окажутся вровень, но так хотя бы не будет ощущения, что она сидит у его ног.

Речь тролля звучала низко и гулко, будто в ней собралось больше звуков, чем слышно:

– Скажи мне, Вивиан, каков был наш уговор?

Она облизнула губы.

– Каждую третью ночь я по своей воле являюсь в Сорию-Морию. – Голос прозвучал хрипло. Наверное, застудила горло, пока торчала на морозе. – До тех пор, пока не сношу три сотни пар красных башмаков.

Она отошла на несколько шагов, чтобы заглянуть королю в лицо, но не сумела прочесть его выражение. Сурт даже бровью не повел. Неудивительно – тролли могут сутками оставаться неподвижными.

– Заметь, Вивиан, – наконец заговорил он, – я ничего не обещал тебе, кроме того, что ты останешься в живых. Но оставаться в живых можно очень по-разному, ты и сама это знаешь. Не я пришел в твой дом без приглашения, это ты явилась к нам когда-то незваной. И все же я никогда тебя не обижал. Ты ела мою еду, пила мое вино... Никто из нашего народа не причинил тебе вреда.

Вивиан слышала от троллей достаточно кровавых историй, чтобы признать: король поступил с ней очень гуманно. Превыше всего этот народ ценил гостеприимство. Обидеть гостя считалось хуже, чем убить родителей, и каралось это куда строже. Проблема состояла в том, что только тролли решали, кто является гостем, а кто – вторженцем или пленником.

– Ты нарушила условие, – мягко напомнил Сурт.

От злости у нее запылали щеки.

– Я думала, ваше величество, что мы с вами друзья. А друзья приходят и уходят, когда им вздумается.

– Мы не друзья, Вивиан... Я ведь просил так немного. Мне тоже бывает скучно, а ты меня развлекала. Разве это трудно? Но раз ты сама не хозяйка своему слову, значит, хозяином стану я.

Таковы были правила игры. Вивиан знала это задолго до того, как ей их разъяснили. Так всегда случается в сказках: если ты даешь кому-то обещание и нарушаешь его, ты достаешься этому существу. В восемь лет, когда она впервые попала в королевство троллей, это казалось ей вполне справедливым.

Прямо сквозь стену в комнату вошел слуга с несколькими горшочками и кувшинами. Комната наполнилась сочным запахом мяса, и живот Вивиан жалобно заскулил. Короля это рассмешило.

– Ты всегда любила поесть, – с умилением заметил он. – Мне жаль, что наш договор оказался расторгнут. Но об одном ты можешь не беспокоиться. Я не стану относиться к тебе хуже, а Сория-Мория по-прежнему будет твоим домом.

– Мне приятно это слышать, – соврала она.

Собственный голос выдал бы ее с потрохами, если бы тролли хоть немного разбирались в человеческих интонациях. Больше всего ей сейчас хотелось закончить беседу и поесть, а потом подумать, что делать дальше.

– После того как ты насытишься, отдохнешь и выспишься, состоится свадьба.

– Чья? – без особого интереса спросила Вивиан.

– Наша.

Казалось, ей в лицо плеснули ледяной воды. На мгновение все ощущения пропали: жар от свечей, звук чужого дыхания, запах мяса, аромат троллей кожи, напоминающий сырой мох... В горле стоял ком, ладони вспотели, но она усилием воли запретила себе паниковать раньше времени. В конце концов, слова о свадьбе вполне могли быть шуткой старого короля, хотя среди троллей водилось не слишком много шутников.

Вивиан переспросила, осторожно подбирая слова:

– Я думала, ваше величество не собирается снова жениться?

Первая супруга короля была человеком и умерла сотни лет назад. Что поделаешь, срок жизни людей намного короче, чем у троллей. С тех пор Сурт так и не вступил в новый брак.

Вивиан до того привыкла видеть его в одиночестве, что даже не предполагала, будто это может измениться.

Троль вздохнул и подошел ближе, хотя именно сейчас ей хотелось этого меньше всего. От его тела шел жар.

– Ты не станешь королевой, – заверил Сурт. – Может быть, «жена» – не совсем верное слово, но я не знаю, как сказать иначе на вашем языке. Я буду заботиться о тебе, кормить, присматривать, чтобы ты не натворила глупостей, а ты взамен обещаешь слушаться меня и делать, что я велю. Есть этому название в человеческом наречии?

– Рабыня.

Король покачал головой:

– Нет. Ты станешь мне хорошей новой женой. Не такой, как Эйра, но от тебя этого и не требуется. Мне нужно, чтобы ты была доброй и послушной, а я позабочусь, чтобы тебе было хорошо.

Он направился к двери. Невероятно, как плавно может двигаться существо таких габаритов.

– А сейчас отдохни и поешь.

Оставшись одна, Вивиан опустилась на кровать и несколько минут сидела неподвижно. Казалось, если замереть на месте, можно убедить себя, что этого разговора не было. Нет, не получилось.

Тогда она вскочила, схватила бронзовую статуэтку с полки и с размаху швырнула ее об пол. Фигурка отлетела в угол с противным звоном. В скудном освещении Вивиан не сумела разглядеть, погнулась она или нет. Зато каменным плитам под ногами ничего не сделалось – не так-то просто повредить троллий интерьер, если ты не тролль.

Но облегчения это не принесло. Наоборот, теперь она только сильнее чувствовала всю безнадежность своего положения. К счастью, голод не давал впасть в панику. Не знаешь, что делать, – ешь. Силы еще пригодятся.

В горшочках, которые принес слуга, томилось рагу из крольчатины. Мясо оказалось таким мягким, что волокна можно было отделять губами. Кувшин был полон слабого ягодного вина. Вивиан сама не заметила, как прикончила ужин, хватая куски рагу прямо руками и подбирая капли подливы теплым хлебом.

Стоило ей завершить трапезу, как дверь снова открылась, и в комнату шагнула высокая троллиха с очень белой и гладкой, как мрамор, кожей, длинными черными волосами и в зеленом платье. Глаза у вошедшей не имели радужки, как у остальных жителей Сории-Мории, но ростом она была ниже соплеменников, а черты лица выглядели тоньше и мягче. Что и неудивительно: Ингрид была наполовину человеком. А еще – единственной дочерью Сурта и Эйры. Вивиан часто замечала ее, тихую и угрюмую, рядом с королем, но поговорить им так ни разу и не удалось. Интересно, знает ли принцесса человеческий язык?

Ингрид внесла что-то высокое, сложной формы, прикрытое белой тканью, осторожно поставила свою ногу на пол и вышла. В темнице стало тихо.

– Можешь открыть меня, – прозвучал надменный голос из-под покрывала.

Вивиан сдернула ткань. Струны арфы затрепетали сами собой, хотя никто их не касался.

– Я в ярости, – предупредила Эйра, и воздух в комнате задрожал, подтверждая ее слова.

Вивиан отстраненно разглядывала мягкие изгибы инструмента. Когда королева умерла, Сурт так горевал, что велел превратить ее в арфу. В обычной реальности человеческие кости нельзя согнуть в виде деки, а волосы – натянуть в качестве струн, но в Сории-Мории действовали иные законы.

Когда Вивиан была еще маленькой и впервые попала к троллям, Эйра играла ей и пела чудесные песни. Еще она рассказывала сказки – не слащавые поучительные истории из детских книг, а мрачные повести о викингах и их кораблях, о зловещих духах и спрятанных сокровищах. Но когда Вивиан выросла и превратилась из девочки в девушку, а Сурт стал проводить с ней много времени, сказки закончились. Теперь всякий раз, как Эйра обращалась к госте, слова живой арфы сочились ядом.

– Как мог Сурт променять меня на какую-то... Он бы еще прачку в жены взял! – От высокой ноты, что взяла королева, у Вивиан заболели уши. – Да как он посмел ничего мне не сказать?!

«Ага, – подумала пленница, – значит, тролль ни словом не обмолвился с бывшей женой о намерении взять новую. Что ж, разумно с его стороны – нетрудно догадаться, что на это ответила бы Эйра».

– Если вы думаете, что я в восторге от этой идеи...

– Замолчи! Мне плевать на твоё мнение! Меня интересует только, как он мог допустить мысль, будто ты, ничтожная побирушка, можешь заменить меня!

Эйра умерла при родах, давая жизнь младенцу, который оказался слишком велик для человеческой утробы. По словам Сурта, жена предчувствовала свою смерть, но поздно было что-то менять. В те времена либо пытались избавиться от ребенка сразу, либо позволяли ему появиться в этом мире, а там будь что будет.

– Вы хотели о чем-то поговорить? – вежливо уточнила Вивиан.

Глупо недооценивать создание, которое способно силой голоса на всю жизнь лишить тебя слуха. Некоторое время Эйра молчала: то ли оценивала ситуацию, то ли справлялась с новым приступом злости.

– Если ты не желаешь становиться наложницей короля, полагаю, я сумею помочь.

– Вы поможете мне сбежать? – Вивиан подумала, что ослышалась.

– Нет. Если ты покинешь Сорию-Морию, Сурт рано или поздно найдет тебя. Троллям несложно отыскать человека, когда они того хотят. Можешь мне поверить: не следует испытывать его терпение.

Что-то в словах Эйры заставило Вивиан насторожиться. Можно сколько угодно притворяться храброй. Но когда на тебя злится тролль, у которого зуб размером с мизинец, страх – это вопрос здравого смысла.

– Вы предлагаете мне покончить с собой, чтобы он до меня не добрался?

– Ты действительно веришь, что смерть лучше бесчестья? – заинтересованно уточнила арфа. Ее голос не казался ироничным, только слегка удивленным. – Сомневаюсь. Ты не из тех, кто добровольно расстанется с жизнью, даже если та станет невыносимой. По-настоящему гордые женщины жили в мои времена, сейчас таких уже не осталось... Сурт рассказывал тебе, как мы познакомились?

Вивиан не хотела этого знать. Неизвестно, сколько у нее осталось времени – король или слуги могли вернуться в любой момент. Но и перебивать Эйру было неосмотрительно. Чего доброго, тогда она совсем откажется помогать.

– Нет, – вежливо сказала пленница.

– Моего отца звали Нёккви Кровавый Плащ, сын Грьотгарда. Он был в большой чести у конунга по имени Рагнар. Как-то раз конунг подсмотрел, как я купаюсь, и захотел взять меня в жены, если я смогу выполнить три его задания. Так он и сказал отцу. Тот, конечно, обрадовался – для него этот брак был бы выгодным союзом.

– И в чем заключались эти задания?

– Откуда я знаю? – взвилась Эйра, и у Вивиан неприятно завибрировало в ушах. – Ты думаешь, я собиралась их слушать? С чего бы я пошла замуж за того, у кого в подчинении находились лишь несколько фюльков! Но даже если бы он правил всей страной, как он смел подсматривать за мной, а потом еще имел наглость предложить мне стать четвертой женой?

Вивиан и не знала, что в ту эпоху существовало многоженство.

– Я сказала отцу, – продолжила Эйра уже спокойнее, – что лучше выйду за тролля, чем за Рагнара. Никогда не говори таких вещей, если не собираешься сдержать слово! Земля немедленно разверзлась, и оттуда вышли посланники Сурта с дарами. Они сообщили, что их повелитель услышал мои крики через толщу скал и готов посвататься.

Последнюю фразу арфа пропела с такой нежностью, что история могла бы показаться романтической. Но с точки зрения Вивиан ничего романтического в ней не было. Молодую девушку собирались отдать замуж против воли за одного мужчину, но обманом она вышла за другого – такого же нелюбимого, да к тому же не человека.

– Вы согласились?

– Как будто у меня был выбор, – усмехнулась Эйра. На этот раз струны колыхнулись благозвучно, издав мелодичную трель. – Если с конунгом Рагнаром мой отец еще мог поспорить, то с троллем – ни за что. Наша свадьба длилась тридцать дней и тридцать ночей, после чего я спустилась под гору и больше никогда не выходила отсюда.

– Совсем?

– Ну, может, пару раз, – легко покачалась она. – Надо же было похвастаться родным, как много у меня теперь сундуков с золотом и украшениями.

– Вам было страшно рожать?

Вивиан не думала, что королева ответит «да». Никогда в жизни дочь Нёккви Кровавого Плаща не призналась бы в трусости.

Так оно и вышло.

– Нет. – Сиди Эйра рядом, она пожала бы плечами и беззаботно улыбнулась. – Я понимала, что умру, а смерти я не боялась. Она сопровождала нас каждый день, всегда была рядом. Не возвращались драккары с нашими воинами, дети то и дело засыпали и не просыпались... Мне предстояло всего-навсего уйти за Врата и воссоединиться со своей семьей. Что же в этом страшного?

«А ведь мы могли бы быть подругами, – подумала Вивиан. – Конечно, не такими, которые встречаются по пятницам, чтобы выпить бокал вина. Но я могла бы слушать Эйру, даже не испытывая к ней симпатии. Кто еще расскажет, как жилось в мире тысячу лет назад? А я могла бы сообщать ей, что происходит наверху. Она ведь почти ничего не видела в жизни».

– Нам с Суртом просто повезло, – заметила собеседница, и от нежности в ее голосе Вивиан затопило волной тепла.

Никогда ей не приходилось слышать таких интонаций от арфы. Она ожидала, что королева что-нибудь добавит, но та замолчала. По всей видимости, дальнейшее было слишком личным.

Текли минуты. У пленницы все тело гудело от усталости, сильно клонило в сон. Когда Эйра снова заговорила, голос ее звучал тихо и твердо. Струны подрагивали одна за другой, будто кто-то касался их невидимыми пальцами. Свет свечей посылал огненные дорожки по золотым нитям.

– Когда я умерла, – негромко продолжила королева, – Сурт хотел, чтобы я осталась в Сории-Мории. Он не мог вернуть меня к жизни, но у наших мастеров получилось сохранить самое важное: голос, волю, силу. Но я все равно не Эйра, а лишь ее осколок. Мой дух врос в эту гору, все самое твердое, что было во мне, заключено в арфе, но кое-что другое исчезло.

– Почему? – спросила Вивиан.

– Чтобы создать музыкальный инструмент из моих костей и волос, потребовалось много колдовства и большой котел. Я – то, что вытащили из него. Кое-что улетело с паром и выплеснулось с бульоном.

Вивиан сглотнула, стараясь не слишком ярко представлять себе, что стало с той частью, которая осталась в котле. Как назло, недавно съеденная крольчатина теперь комом встала в желудке.

– Я говорила Сурту, что есть и другая часть меня: та, которая не отправилась за Врата и пребывает в мире людей. Я это чувствую! Но Сурт мне не верит. Троллей вообще сложно переубедить, если ты еще не заметила. Я столько раз просила, чтобы кто-нибудь отправился наверх и отыскал мою половинку! Если ты готова взяться за эту задачу, я помогу тебе спастись. Мне всего лишь нужно, чтобы ты привела осколок души сюда.

«Всего лишь!» Действительно, что может быть проще?

Вивиан выдохнула. От жары и непростого разговора голова болела все сильнее. Пленница ощупала карманы, надеясь, что захватила с собой обезболивающее, но напрасно. Видимо, таблетки остались в сумочке.

– Как выглядит та другая часть? Мне нужно охотиться за кем-то вроде призрака? Ловить дым?

– Она похожа на обычную деву, – уверенно ответила Эйра. – Волшебная сила всегда стремится обрести форму, она не бывает просто рассеяна в воздухе, как пыль.

«Конденсат, – подумала Вивиан, растирая виски. – Как если бы пар собрался в облако. Уже лучше, это хотя бы нечто материальное...»

– Я думаю, что она находится где-то недалеко, – продолжила королева. Теперь она говорила быстрее, будто чувствовала, что времени осталось мало. – Не может покинуть землю и осознает, что ей не хватает чего-то важного... Подойди ко мне.

Вивиан поднялась со своего места и сделала несколько шагов в сторону арфы. Даже сейчас, когда они говорили вполне цивилизованно, она опасалась Эйры. Та могла навредить и одним звуком струн, а уж дотрагиваться до инструмента вовсе не стоило – один тролль так лишился четырех фаланг. Но собеседница велела:

– Протяни руку.

Вивиан осторожно приблизила к арфе кисть ладонью вниз, слегка разведя пальцы, будто собиралась сыграть. Ближайший золотистый волосок колыхнулся, соскользнул с колка, как тонкая змейка, и кольцом обмотался вокруг указательного пальца. Струна оказалась неожиданно плотной, больше похожей на рыболовную леску, чем на человеческий волос. Издалека кольцо казалось свитым из золотой проволоки.

– Так ты почувствуешь, когда приблизишься к моей половинке, – пояснила Эйра.

– Как? Кольцо оторвет мне палец?

Шутка вышла несмешной, но живая арфа все равно фыркнула.

– Думаю, оно сожмет его или нагреется.

– А если я просто сбегу вместо того, чтобы заняться поисками?

– Не волнуйся. Если ты не приведешь другую часть меня в Сорию-Морию, король троллей рано или поздно тебя отыщет. Увидев Сурта в гневе, ты будешь молиться всем богам, чтобы всего-навсего лишиться пальца.

Это была правда. Вивиан никогда не заблуждалась насчет троллей. Они могли казаться со стороны неуклюжими добряками, но лишь пока сами этого хотели.

– Как мне выбраться из дворца, если дверь охраняют? – прочистив горло, уточнила она.

– Я могу усыпить всю Сорию-Морию, но ненадолго, – ответила Эйра. – Поэтому бежать тебе придется быстро. Когда окажешься наверху, держись подальше от горы. Я сумею задержать Сурта, но тоже не до бесконечности. А теперь смажь меня своей слюной сверху, возле колков.

Вивиан не стала спорить. Она несколько раз облизнула пальцы – во рту пересохло от волнения – и осторожно, стараясь не делать лишних движений и не задевать струн, провела мокрыми подушечками по верхней части костяной деки. Кольцо на пальце пленницы едва ощутимо вибрировало.

– Что теперь? Что вы скажете Сурту, когда он придет?

– Он уже не сможет войти сюда до свадьбы, – спокойно пояснила Эйра. – Так не принято. По обычаю он должен лишь приблизиться к двери и спросить, не нужно ли чего-нибудь невесте. Тогда я произнесу: «Принеси мне платье, красивое, как луна».

Голос арфы на последней фразе изменился, будто принадлежал другому человеку. Вивиан потребовалось несколько секунд, чтобы понять: она слышит собственные интонации.

– Когда он исполнит эту просьбу, я потребую платье, сияющее, как солнце, – продолжила Эйра. – Затем попрошу наряд, чудесный, как звезды. Сурту и его мастерам придется потрудиться, но для короля троллей нет ничего невозможного. Так что я бы на твоём месте поспешила... А сейчас я оглушу тебя. Не пугайся, это ненадолго – все пройдет, как только выберешься из Сории-Мории.

Вивиан заворуженно смотрела, как колыхаются струны волшебной арфы.

– Не оглядывайся. Не останавливайся, – прошептала Эйра.

Когда струны зазвенели все разом, голову пронзила такая боль, словно в барабанные перепонки загнали раскаленные иглы. Вивиан ахнула и зажала уши ладонями. Бросила взгляд на арфу и увидела, как вибрируют натянутые волоски, но не слышала ни звука.

Пленницу захлестнула волна паники, вот только тратить на нее время было некогда. Надо бежать!

Рванув на себя тяжелую дверь, она чуть не споткнулась о лежащего у порога тролля-охранника, успела в последний момент перепрыгнуть через него и понеслась по коридорам в сторону выхода. Мимо пролетали опочивальни и игровые комнаты; еще несколько поворотов – и она выбежит в балльную залу. Вивиан так часто бывала в зачарованном дворце троллей, что могла бы найти выход даже вслепую. То и дело она натыкалась на уснувших придворных, которые лежали, привалившись спинами к стенам, или свернулись калачиком прямо на полу.

Беглянка свернула влево и выскочила на лестницу, ведущую в залитый светом балльный зал. На стенах сверкали драгоценные камни, изумрудные отблески которых создавали впечатление, что огромное помещение находится на дне океана. На торжество собралось столько троллей, что невозможно было различить мозаику на полу. На мгновение у Вивиан перехватило дыхание, так что не получалось набрать воздух в легкие.

«Успокойся!» – скомандовала она самой себе. Опасности не было, все тролли спали, их огромные животы плавно вздымались от мерного сопения. Перед тем как погрузиться в зачарованный сон, они явно танцевали, и с высоты казалось, что кто-то разложил разодетых гигантов в узор наподобие мандалы.

Сбежав вниз по лестнице, Вивиан помчалась через зал, огибая лежащих троллей. Ее водолазка намокла на спине, а воротник сдавливал горло. Несколько раз она наступала на чьи-то руки или ноги, но спящие даже не шевелились. Наконец дверь в стене приветливо распахнулась навстречу старой знакомой.

Вивиан влетела в темный тоннель и почувствовала по движению воздуха, как стена смыкается за ее спиной. С темнотой вернулся слух: теперь она различала собственное шумное дыхание. После этого она перешла на шаг. Наверху в конце тоннеля ждал дом. «Возьму Грейс, усажу в машину и рвану с ней из Фьельби к чертям собачьим!» – поклялась она себе, и от этого сразу стало спокойнее.

Кольцо из чужих волос тихо сидело на руке.

Глава III

КРИС

Боже, какой я идиот! Кто меня за язык тянул? Кто вообще на вопрос: «Так это твою девушку разыскивает полиция?» отвечает: «Бывшую девушку»? Неудивительно, что Финн с Айрмед уставились на меня в четыре лисьих глаза!

– Извините, я ляпнул глупость. Мы не расстались, просто она уехала, и мы мало общались.

Брат с сестрой синхронно переглянулись, будто кто-то управлял ими одной кнопкой на пульте.

– Так ты приехал к Грейс Берг? – Финн облизнул губы и придвинулся ближе. – Ты знал, что она исчезла?

– А разве похоже, что знал? – огрызнулся я. Никогда раньше не общался с журналистами. Может, они все задают тупые вопросы и смотрят так, словно пытаются проковырять дырку у тебя в мозгах?

Айрмед положила ладонь мне на плечо. Хорошо, что хоть у кого-то хватило такта не выпытывать личную информацию! Я пытался справиться с обжигающим чувством стыда, которое комом встало в горле. Собирался прилететь во Фьельби и сделать Грейс сюрприз, показать, что я о ней не забыл, напомнить, что у нее все еще остались родные люди, хотя Лора и пропала...

Да черта с два! Я просто хотел, чтобы она выслушала мое нытье, как всегда делала. Никто не умел так слушать, как Грейс. У нее было такое лицо, словно нет на свете ничего важнее моих неприятностей. Когда она уехала, мне не хватало именно этого. От этой мысли я сам себе стал еще противнее.

Мы стояли в проеме, и люди, выходившие из кафе, раздраженно качали головами. Какой-то парень толкнул меня плечом, я сделал шаг назад, но ничего не сказал. Не до разборок сейчас.

– Мы с Финном собираемся в полицию. Попробуем узнать, что им известно. Хочешь составить компанию? – предложила Айрмед.

– Я не пойду в полицию.

Отлично, Крис, молодец, продолжай так и дальше! «Ничего особенного, ребята, моя девушка пропала, а я отказываюсь идти разговаривать с копами...» Я успокаивал себя мыслью, что все равно не смогу рассказать ничего путного, но утешение вышло слабым.

– Мы тебя и не заставляем, – заметила сестра Финна, увлекая меня на улицу.

Снаружи холод вцепился когтями мне в лицо, царапая кожу, а ветер дал хлесткую пощечину. Кажется, я это заслужил... Сумерки разгоняли только лучи фар, мерцающие гирлянды и зажженные окна. Я заметил оранжевые светоотражающие жилеты: казалось, будто они парят в воздухе, безногие и безголовые.

Передо мной открыли дверцу машины и запихнули внутрь. Я ожидал, что за руль сядет Финн, но место водителя заняла Айрмед. Ее брат зачем-то устроился со мной по соседству – слишком близко, как по мне, для незнакомого человека. Этот тип вообще был любителем сокращать дистанцию без предупреждения.

В салоне было тепло, по-домашнему пахло корицей и тыквой. Возникло ощущение, что сейчас Айрмед откроет бардачок и достанет оттуда горячий пирог с подрумянившейся корочкой. Но вместо этого девушка повернула ключ зажигания, и автомобиль мягко завелся.

– Крис, не нервничай, – сказала она. – Я уверена, что с Грейс все в порядке. Наверняка есть простое объяснение, почему она исчезла.

– А я уверен, что нет, – перебил сестру Финн. – Не бывает таких совпадений, чтобы сначала из летящего самолета пропала мать, а спустя пару месяцев исчезли ее сестра и дочь. Это в городке, где все всех знают! Ты, кстати, в курсе, что случилось с Лорой Берг?

Я вздохнул.

– Конечно. Вся страна в курсе.

Я знал, что Лора отправилась в Гоа: она часто туда летала на какие-то свои духовные практики. Грейс говорила, что мама написала ей уже из самолета, когда возвращалась домой. пожаловалась, что достались последние сиденья, где не откидывается спинка, а потом – тишина, как будто это чертово сиденье сожрало ее, ни кусочка не оставив.

Это было ужасно, несправедливо, паскудно. У меня за всю жизнь было не так-то много друзей, но Лора входила в их число – ну, насколько мать твоей девушки может быть другом. Лора никогда не запрещала нам с Грейс встречаться и не названивала дочери каждые десять минут, если мы задерживались. Она спокойно отпускала нас одних и навещала нашу семью на Рождество. Не хотелось даже представлять, что бы она сказала, узнав, как после ее исчезновения я почти не звонил Грейс и напоминал о себе только редкими сообщениями...

– А как вы узнали, что Грейс пропала? – опомнился я. – Сюда что, уже приехала толпа журналистов?

Я помнил, как репортеры кидались к потерявшей мать девушке, стоило ей выйти из полицейского участка или из нашего дома, где социальные службы разрешили ей пожить до отъезда. Журналисты походили на хищных насекомых, которые набрасываются на мелкого больного жучка: щелкали камерами, совали их Грейс прямо в лицо. Я разбил одному фотоаппарат, и только счастливый случай уберег меня от судебного иска.

– Вычитали в местной газете, – пояснил Финн. Отыскав нужный сайт, он передал мне смартфон.

«Пропажа несовершеннолетней девушки во Фьельби! Объявлена тревога!» По тексту статьи я пробежал мельком: «Прибыла в город месяц назад... Жила со своей родственницей»...

– Когда именно она пропала? – спросил я, возвращая Финну телефон.

Машина медленно ползла по обледепевшему асфальту.

– Вот этот вопрос я и задам полицейским. Кстати, не объяснишь, почему не собираешься пойти с нами?

– Мы никого не осуждаем, – вставила Айрмед. – Просто хотим расставить все точки над i. Ты ведь и сам понимаешь, что твое нежелание идти в участок выглядит...

– Так, будто мне есть что скрывать, – вздохнул я. – Именно поэтому и не собираюсь. Знаете, кто окажется первым подозреваемым? Бывший парень, да к тому же из семьи иммигрантов – идеальная мишень!

– Ты же находился в другом городе. А это вроде бы неплохое алиби, разве нет?

– Пока они будут выяснять, где я был, из меня и моей семьи все жилы вытянут.

Я знал, что этим двоим меня не понять. Копы никогда не выдерживали Финна или Айрмед из кровати посреди ночи из-за того, что в их квартале кого-то ограбили. Им не пытались подкинуть травку и не грозились депортировать. Когда они были подростками, если машину останавливали полицейские, родители никогда не говорили им: «Все время держи руки на виду!» Им не приходилось терпеть оскорбления и не отвечать ударом на удар, потому что из-за плохой записи в личном деле у тебя отнимут возможность поступить в колледж. Да еще добавят: «Скажи спасибо, что тебе разрешили остаться в этой стране!»

Спасибо – не то слово... И что почки не отбили, тоже спасибо.

Брат с сестрой больше не смотрели на меня, но я кожей чувствовал их любопытство и сомнения. Финн, казалось, ни секунды не мог усидеть на месте: включил музыку на телефоне,

выключил, снова включил, стал переключать мелодии. Потом отстегнул ремень, словно ему было тесно и жарко, но вскоре опять пристегнулся. Неугомонный парень крутился, будто у него все тело чесалось, и при этом не умолкал ни на минуту.

– Наверняка в полиции скажут, что девчонка сама сбежала, ведь так поступают все подростки. Ты как думаешь, Крис? Это похоже на Грейс? Могла она ни с того ни с сего уйти из дома? Куда бы она направилась?

Я пока знал только то, что у меня в ушах звенело от звука его голоса. Как сестра его выносит?

– Не знаю. Некуда ей было ехать.

– А как же ты?

Не представляю, хотел меня Финн уколоть этим вопросом или задал его без задней мысли, но получилось обидно.

– Если бы она захотела поехать ко мне, то сперва написала бы.

– А тетка могла ее не отпустить? У них вообще были нормальные отношения? Об этом ты что-нибудь знаешь?

Я знал, хотя и мало. Грейс писала, что с Вивиан поладить нелегко, но жить она особо не мешает.

– Вроде бы неплохие...

Машина притормозила у полицейского участка. Окна в нем ярко светились, по двору сновали люди: одни в форме, другие в штатском, немало было парней и девушек все в тех же оранжевых жилетах. Интересно, это что за группа поддержки?

Айрмед едва успела отстегнуть ремень, как Финн уже выскочил из машины. Сразу стало легче дышать, словно он занимал вдвое больше места, чем на самом деле. С собой парень забрал тысячи вопросов, обрывки музыки и постоянно находящиеся в движении руки. Пружинистым нетерпеливым шагом он направился в участок, ежась от зимнего ветра. Айрмед тем временем повернулась ко мне. Ее глаза в слабом освещении отчего-то казались скорее хищными, чем добрыми, хотя говорила она мягким бархатным голосом:

– Ты уверен, что не хочешь пойти с нами?

Я мотнул головой.

– Все равно ничем не смогу помочь.

Взгляд Айрмед задержался на моем лице дольше, чем можно было назвать приятным, как будто она давала мне возможность передумать. Потом она вышла на улицу и последовала за братом. Я был благодарен ей за то, что не стала меня уговаривать.

Без них в салоне воцарилась ватная тишина. На секунду показалось, что я внезапно оглох. Я даже щелкнул пальцами, чтобы убедиться, что все еще слышу. Потом включил подзарядившийся телефон: пришли несколько сообщений от братьев и одно от мамы. Мне не нужно было его открывать, чтобы представлять, что там написано. Она наверняка интересуется, как поживает Грейс. Я бы тоже очень хотел это знать.

Я попытался придумать, что делать дальше, но безуспешно. Можно было улететь домой следующим рейсом – все равно от меня здесь никакой пользы – и уже на месте рассказать все семье. Мама придет в ужас, братья и сестры расстроятся, ведь Грейс им нравилась. Этот вариант казался самым соблазнительным, но даже в моей собственной голове звучал жалко. За мной водится немало косяков, но равнодушным или трусом я никогда не был.

Значит, нужно остаться и попытаться что-нибудь разузнать. Может быть, и к лучшему, что мне подвернулся журналист. Эти парни умеют выведывать информацию – это вроде как их работа. Вон как от вопросов Финна до сих пор трещит голова... Его натиск нам еще пригодится.

С принятым решением пришло облегчение. Воздух в салоне начал остывать, но не успел я замерзнуть, как дверь с моей стороны открылась, и чья-то рука выволокла меня наружу.

– Вылезай, – велел недавно упомянутый журналист. – Смотаемся кое-куда.

От постоянных переходов из тепла в холод и обратно закружилась голова. Свет фонарей играл на темно-голубом снегу, Финн подпрыгивал в попытках согреться, Айрмед шагала уверенно и быстро. Чем дальше мы отходили от полицейского участка, тем спокойнее мне становилось.

– Что удалось выяснить?

– Предсказуемо – ничего, – радостно объявил Финн. – Неужели ты думал, что я потрясу у полицейских перед носом журналистским удостоверением и они тут же вывалят все, что знают?

– Тогда куда мы идем?

– К тем, кто в курсе всех городских сплетен, – в штаб волонтеров. Они расположились недалеко отсюда, в школе.

Учебный корпус оказался гораздо меньше того здания, где учились мы с Грейс: двухэтажный, со стадионом позади и крохотным внутренним двориком, куда, наверное, выводят учеников во время пожарной тревоги. Но когда мы вошли, то утонули в толпе. Похоже, весь Фьельби собрался, чтобы помочь найти Грейс.

Где-то лаяла собака, пахло мокрой шерстью. На стенах все еще были развешаны рождественские гирлянды и детские рисунки. Молодая женщина в яркой куртке и с желтым зонтиком, как у экскурсовода, звонко отдавала распоряжения: «Новички – ко мне на инструктаж!» Хоть и выглядела незнакомка хрупкой, но вела себя решительно. Люблю людей, которые знают, что делают.

Кроме нас на инструктаж пришли еще шестеро: молодой парень, несколько взрослых мужчин и женщина лет пятидесяти. Глава волонтеров с зонтиком обвела всех строгим взглядом и задержалась на нас.

– Я вас не знаю, – удивилась она.

Видимо, остальные были ей хорошо знакомы. В таких маленьких городках все друг другу приходится либо дальними родственниками, либо школьными приятелями. Финн обаятельно улыбнулся. Айрмед тоже – как зеркало. Я им подражать не стал: двух улыбок на трех человек казалось более чем достаточно.

– Мы не местные, – признался Финн. – Я журналист, хочу написать репортаж об этой истории. А это моя сестра, она врач. Мы оба уже участвовали в нескольких спасательных экспедициях.

– Врачи в команде всегда нужны, – согласилась молодая женщина и протянула руку. – Я Клэр.

Я просто представился и скрестил пальцы, чтобы не было больше расспросов. Мне повезло. Глава волонтеров повела нас по узкому коридору между дверьми в классы. Мимо прошли несколько лохматых собак и люди в форме.

– О том, что пропала Грейс, вам сообщили в полиции? – спросил я.

Клэр бросила на меня быстрый взгляд, будто размышляя, стоит ли отвечать.

– Нет, это от меня они узнали о существовании девочки.

– Вот как? – оживился Финн.

Мы вошли в пустой класс. Парты были сдвинуты к стенам, чтобы освободить пространство посередине. В одном углу валялись оранжевые жилеты, в другом – спальные мешки.

– В полиции думали, что пропала только Вивиан Берг, – пояснила Клэр. – Ее автомобиль нашли на горе. Следователи обратились ко мне как единственному человеку во Фьельби, кто с ней общался. Вивиан – замкнутый человек, у нее и подруг-то не было. Жила в лесу, лишь временами выбиралась на почту, чтобы отправить посылки, но в остальном предпочитала одиночество. За все время знакомства мы с ней только раз выпили вместе кофе. Представляете, как я удивилась, когда узнала, что она взяла под опеку дочь сестры? Они вдвоем с племянницей приходили в магазин буквально за пару дней до того, как стало известно об исчезновении.

– Да там на горе не только машина была... Так копы и выложили все карты на стол, как же! – проворчал один из мужчин. – У меня двоюродный брат работает в полиции водителем. Он говорит, там еще и тело обнаружили.

У меня внутри все похолодело. Я знал, что это не могла быть Грейс, иначе мы бы не собирались искать ее в лесу. Но труп – это всегда плохо.

– Тело? – глаза у Финна загорелись. – В смысле, мертвеца?

– Мертвее некуда, – охотно поддакнул разговорчивый незнакомец. – Скелет, да еще и без головы!

– Раз скелет, значит, труп лежит там уже давно, – логично заметил темноволосый парень, который пришел с нами.

Я посмотрел в его сторону. Новый участник разговора выглядел менее заинтересованным, чем все остальные. Может, решил, что домysлов в рассказе больше, чем правды, а может, ему просто нравилось искать людей в лесу, а кем они были – не так важно. Хотя мне показалось, что он тоже не местный: слишком легко одет и явился один, без друзей.

– Все это сомнительно, – поморщилась Клэр. – Сколько же этот скелет должен был пролежать незамеченным?

– Может, это скалолаз, – обиделся рассказчик. – Свалился в расщелину, замерз...

– ...отрезал себе голову, а потом, когда кости оголились, выполз наружу? – вежливо уточнил парень.

Финн хмыкнул.

– Может, скелет принадлежит девчонке и родная тетка ее сварила? – передернула плечами немолодая женщина. – У этой Берг точно были не все дома. Ни с кем не разговаривала, жила одна в лесу, в город ездила только за продуктами... Это разве нормально?

Я хотел ответить, что в эпоху интернета Вивиан Берг могла бы и продукты заказывать через приложение, но промолчал. Моей маме тоже казалось диким, что кто-то вместо того, чтобы заводить друзей в школе или на работе, ищет их в сети. Для их поколения виртуальные знакомые – не настоящие, как будто это роботы, а не живые люди.

– Миссис Пегг, что вы такое говорите! – возмутилась Клэр и повернулась к Финну и Айрмед. – Вот поэтому я и не обсуждаю такие вещи во время поисков. Пусть полиция разбирается, кто кого сварил... А наше дело – попытаться найти девочку или Вивиан. Завтра наша группа выходит первой. Рассветет без пятнадцати девять, к этому времени нужно быть уже на месте. Кто из вас раньше никогда не занимался поисками?

Руки подняли только я и парень, который пошутил насчет скалолаза.

– Ничего, – ободряюще сказала Клэр. – Напомните, как вас зовут?

– Я Крис.

– Томас, – дружелюбно улыбнулся второй.

– Есть теплая одежда и обувь?

– Не думаю, что настолько теплая, – развел руками Томас. – Но я хочу быть полезен.

– Аналогично, – буркнул я.

Клэр не смутила наша неподготовленность, или же она просто не подала виду. Мужчина, у которого родственник работает в полиции, сказал, что у него есть сын нашего возраста, и пообещал завтра принести теплые куртки и ботинки.

После инструктажа местные жители разошлись по домам, а тем, кто приехал издалека, разрешили переночевать в школе. Смысла отправляться ночью на поиски гостиницы не было никакого. К тому же Томас сказал, что в лыжный сезон во Фьельби свободных мест не найти. Он сам остановился тут у родственников.

Клэр выудила из горы вещей спальные и подушки, показала, где находится душ и как включить чайник. В ярком свете ламп было видно, что она сильно устала: под глазами залегли

синие тени, в уголках прорисовывались морщинки, губы напряженно поджались... Сейчас я заметил, что она гораздо старше, чем казалась на первый взгляд.

Айрмед отправилась в машину за туалетными принадлежностями. Брат и сестра приняли идею заночевать в школе совершенно спокойно. Перспектива остаться без мягкой кровати и горячей ванны их вовсе не смутила.

– Давно этим занимаешься? – спросил Финн, вытряхивая спальник из чехла.

– Поисками? – отозвалась Клэр. – С тех пор, как муж пропал в горах. Скоро будет четыре года. Он ушел на охоту один и не вышел на связь на следующий день.

– Его нашли? – осторожно спросил я.

– Да.

Это была хорошая новость.

– Попал в бурю, сломал ногу и не смог вернуться, замерз.

Ладно, плохая.

– Соболезную, – сказала Айрмед, возвращаясь с рюкзаками. – Зимой в лесу легко замерзнуть, достаточно часа.

– Да, думаю, так и было. – Меня поразило, как спокойно Клэр говорит об этом. – Тогда я и решила, что раз не смогла спасти мужа, то помогу еще кому-нибудь. Здесь у нас частенько пропадают люди: то туристы зайдут слишком далеко в лес, то скалолазы застрянут на высоте. Бывает, что старики с деменцией уходят из дома и не могут отыскать дорогу обратно... Дважды искали детей. Оба раза нашли живыми.

– Хлопотное занятие, – заметил Финн. – Когда же ты успеваешь и работать, и ходить с поисковыми отрядами?

Клэр махнула рукой:

– У меня свой бизнес, магазин вечерних и свадебных платьев, а там клиентов немного. Чаще всего покупают обновки перед школьными балами, а в остальное время я считаю удачей, если заглянет один покупатель в неделю. Уж лучше ходить в горы, чем сидеть в пустом зале... Ладно, теперь я, пожалуй, пойду. Хочу отдохнуть перед завтрашними поисками.

Я тоже безумно хотел спать, но знал, что не усну. Написал маме короткое сообщение, чтобы она не волновалась. Ничего не стал говорить о Грейс – решил, что лучше позвоню завтра и все расскажу сам. Потом забрался в спальный мешок прямо в одежде, подложил под голову надувную подушку и принялся наблюдать, как Айрмед расчесывает длинные рыжие волосы, что-то напевая, а ее брат ставит чайник и достает заварочные пакетики. Их возня создавала уют и помогала справиться с тревогой.

Чуть позже Финн поставил рядом со мной чашку. Запахло клубничным ароматизатором. Я приподнялся на локте, сделал маленький глоток и лег обратно.

– Спасибо вам. Не знаю, что бы я делал, оставшись один.

Я говорил искренне: все же в трудный момент брат с сестрой приютили меня, накормили, поделились информацией и не стали задавать лишних вопросов. Я не мог отделаться от чувства, будто знаю их уже сто лет. Попытался вспомнить, не видел ли фотографию Финна где-нибудь в газете. Но кто же смотрит на лица журналистов рядом с материалом?

– Видишь, как удачно все сложилось, – улыбнулась Айрмед. – Хорошо, что мы нашли друг друга.

– Какой трогательный момент! – ухмыльнулся Финн. – Кажется, я забыл выложить пару мотивашек в твиттер: «Друг – тот, кто всегда рядом в трудную минуту», «Верь в себя, следуй за мечтой», «Считай свою девушку бывшей, как только она пропадет без вести»...

– Финн, ты можешь хоть раз не влезать с тупыми замечаниями? – рявкнула Айрмед.

Вся нежность во мне мгновенно испарилась. Я не поспевал за настроениями Финна: пять минут назад он заботливо предложил мне чай, а еще через пять минут – ударил наотмашь. От того, что он попал в цель, стало еще хуже. Я прочистил горло и признал:

– Он прав.

– Я прав, – подтвердил Финн, элегантно скидывая пальто с эполетами. – А теперь, если мы хотим завтра встать вовремя и пойти искать твою бывшую девушку, всем пора спать. Сейчас набросаю черновик статьи из той информации, что мы сегодня собрали, и тоже лягу.

Они потушили верхний свет. Я валялся в спальнике и слушал, как Финн стучит по клавиатуре при свете фонарика, набирая заметку о том, как Грейс Берг бесследно пропала в маленьком городке и никто-никто – ни тетка, ни мать, ни даже ее бестолковый парень, единственный, кто никуда не исчез, – не знает, где она... Потом я услышал шаги Айрмед, мягкие, как поступь лисьих лап. Ее рука легла мне на голову.

– Спи, – шепнула девушка, и я уснул.

Глава IV

ГРЕЙС

Кожа болела так, будто кто-то содрал верхний слой. Горело все: от скальпа до мозолей на пятках. Казалось, что саднят даже глазные яблоки. Но сильнее всего пострадал сломанный нос.

Первую свою поездку с Дикой Охотой Грейс запомнила смутно. Кажется, ее велосипед неожиданно встряхнул гривой и выдохнул облачко белого пара в морозный воздух. Ноги уперлись в стремена, а в руках вместо руля оказалась серебристая уздечка, которая больно впивалась между пальцев.

Они пронеслись над городом в шлейфе собачьего лая и лошадиного храпа. Ветер безжалостно обжигал кожу на лице. До Грейс доносилось позвякивание сбруи, но никакого топота – копыта беззвучно молотили ночной воздух, отталкиваясь от него, как от твердой земли. Временами она задевала коленом чьи-то ноги, и охотники раздраженно отъезжали в сторону, дергая скакунов за поводья. Лиц всадников было не видно – они терялись во тьме. Только мерно покачивающиеся олени рога Дикого Охотника задавали направление, возвышаясь над свитой.

Фьэльби внизу сверкнул огнями и исчез. Теперь наездники мчались над заснеженными горами, и Грейс начало трясти от холода. Она вцепилась в переднюю луку так, что пальцы словно примерзли к металлу, и дрожала, пока кто-то, проезжая мимо, не накинул на нее плащ. Девушка приоткрыла глаза и увидела всадника в белом, который одной рукой держал голову Александра.

Потом кто-то свистнул, и Дикая Охота рванула вперед, улюлюкая и вопя. Грейс не смотрела вниз. Она зажмурилась и могла думать только о том, как не вывалиться из седла. Над самым ее ухом пронеслась стрела, задев щеку жестким опереньем. Все это напоминало очень страшный аттракцион, где даже не слышали о системе безопасности.

На этом Грейс словно отключилась. Слишком много всего случилось. Больше всего ей хотелось, чтобы на экране высветилось Game Over и можно было сделать перерыв и пойти налить себе чай с печеньем...

А сейчас она лежала на ковре и чувствовала, как болит все тело, даже волосы. Ладони были красными – наверное, она и вправду ободрала кожу о металлическую луку. Однако пальцы шевелились, значит, все не так плохо. Осторожно, стараясь не делать резких движений, Грейс поднялась сначала на четвереньки, а затем села, прислонившись к стене.

Вокруг было тихо: ни лошадей, ни людей, ни собак... Только длинный, плохо освещенный коридор и множество дверей, выстроившихся одна за другой, как в гостинице. В пролетах тускло горели светильники. Ковер, на котором она лежала, выглядел не слишком чистым.

«Добро пожаловать в Дикую Охоту», – сказала накануне отрубленная голова Александра. Сейчас Грейс была бы рада увидеть даже этого странного парня с косичками, по чьей вине мама и ее злобный брат оказались в одном пространстве-времени. Новоиспеченная охотница подтянула колени к подбородку, обхватила их руками и зажмурилась изо всех сил, пытаясь заплакать. Ей казалось, что это принесет облегчение и избавит от темных мыслей. Но слезы не шли, лицо оставалось сухим, а кожа горела жаром.

«Ты теперь в Дикой Охоте»... Ну и где, черт подери, эта Дикая Охота? Нельзя сидеть! Нельзя оставаться в неподвижности! Чем дольше Грейс бездействует, тем больше времени Лора проведет взаперти с психопатом Томасом – или как его теперь называть? Рауль?

Нужно было осмотреться, понять, что это за место. Она резко выдохнула и поднялась, держась за стену. Затем подошла к ближайшей двери, подергала ручку: заперто. Не тратя вре-

мени, переключилась на следующую. Деревянная створка была со сколами, местами испачкана в краске, а над ней висела табличка с именем «Гидеон». Грейс сама не ждала, что так обрадуется, увидев знакомое имя.

Стоило повернуть ручку, как дверь подалась со слабым щелчком. Грейс решительно потянула ее на себя и внезапно почувствовала, что с той стороны кто-то навалился и толкает. Чем шире дверь распахивалась, тем больше напирал невидимый силач.

– Кто там?! – крикнула она, но противник лишь удвоил нажим. Внезапно из образовавшейся щели выпала связка газет с обтрепанными краями. Она свалилась Грейс на ногу, а следом посыпались позолоченные браслеты, несколько дискет, конфетные фантики, самурайский меч, два отрывных календаря... Грейс едва успела отдернуть ступню, прежде чем из проема, который становился все больше, с грохотом вывалилась каменная плита, расколовшись надвое. Затем из номера выплеснулся поток воды с парочкой живых рыб, которые бессильно закувыркались на ковре. Только тогда до Грейс дошло: с другой стороны двери стремится вырваться наружу не живое существо, а просто гора вещей.

Предметы все сыпались и сыпались: дохлая утка, зонт в китайском стиле, целая груда битой посуды, старые башмаки, набитые до отказа чемоданы, книги в бархатных переплетах, вывески «Аптека» и «24 часа»... Грейс изо всех сил налегала на створку, но ноги все равно отъезжали дальше и дальше, высвобождая место для хлама. Она хотела отскочить в сторону, но боялась, что не успеет и окажется погребенной под кучей барахла.

Неожиданно из-за спины Грейс показалась чья-то кисть с длинными тонкими пальцами. Запястье охватывала манжета с серебристой вышивкой, за ней тянулся белый рукав с мягкими складками. Легким нажимом, совершенно без усилий незнакомец вернул дверь в ее изначальное положение. Оттолкнув все, что мешало ей закрыться, Грейс и ее помощник заставили замок защелкнуться.

Грейс перевела дыхание и отошла назад, с опаской глядя на номер, который теперь выглядел совершенно обычным. Если бы не рыбки и куча газет на ковре, можно было подумать, что ей все померещилось. Она повернулась, чтобы отблагодарить своего спасителя, и увидела того самого охотника, который в полете набросил ей на плечи теплый плащ.

Высокий юноша в белом улыбался. Лицо у него было располагающим и как будто слегка виноватым. В первую встречу на горе этот всадник показался ей старше, но сейчас невозможно было сказать, сколько ему лет: с одинаковым успехом могло быть и двадцать, и тридцать. Сверкающий как снег наряд придавал ему сходство с врачом. Грейс не знала его имени, но хорошо помнила, что он единственный говорил с ней на Тролльем пике. Именно белый всадник пытался убедить ее примкнуть к Дикой Охоте. До смерти уставшая девушка пока не решила, отблагодарить его за это или возненавидеть.

– Мы стараемся не открывать двери в комнаты «скрытого народца», – улыбнулся он, указав взглядом на табличку с надписью «Гидеон». – Никогда не знаешь, что оттуда вывалится.

Потом понизил голос до заговорщического шепота и добавил:

– Однажды на меня упало каное.

Грейс не нашла с ответом и просто продолжала разглядывать незнакомца. Находиться рядом с ним было странно, как будто ты случайно забрел на ролевую игру или оказался посреди спектакля, сценарий которого ни разу не читал. Но «белый рыцарь», похоже, чувствовал себя совершенно свободно и в этой одежде, и в этом месте.

– У них там свалка? – спросила она первое, что пришло в голову.

– Как посмотреть. Для нас с тобой – да, а вот Гидеону все эти вещи наверняка казались сокровищами. Многие фэйри ужасные барахольщики: они с трудом расстаются с предметами, которые по какой-то причине считают красивыми.

– Могильная плита? – усомнилась Грейс.

– Наверняка на ней есть причудливый узор из плесени.

– Дохлые утки?

– Когда-то были живыми птицами с ярким опереньем.

– Пакеты?

– Приятно шуршат, – засмеялся незнакомец. Смех у него был такой мягкий, что Грейс показалось, будто кто-то провел ей по спине кусочком бархата. Она улыбнулась в ответ.

Юноша небрежно откинул темную косу себе за спину и старомодно поклонился, прижав руку к груди:

– Несправедливо, что я знаю, как вас зовут, а вам мое имя неизвестно. Я Диан Кехт.

Грейс понятия не имела, как должна ответить: присесть в книксене или протянуть руку для пожатия. Поэтому просто кивнула.

– Приятно познакомиться. Наверное, – добавила она, и брови собеседника удивленно приподнялись. – Спасибо за теплый плащ. Я бы насмерть заledenела там, наверху.

Диан Кехт слегка качнул головой:

– Зимнего ветра теперь недостаточно, чтобы вас заморозить. Но лететь, трясаясь от холода, все равно неприятно. Рад, что плащ пригодился. Как сейчас ваш нос?

Грейс понятия не имела, куда делся тот самый плащ, так что даже не могла его вернуть своему благодетелю. А нос, кстати, сильно болел. Она дотронулась до переносицы и отдернула пальцы.

– Позвольте вам помочь?

Она не успела возразить, как ладонь Диана Кехта накрыла ее лицо. Что-то отвратительно хрустнуло, и на мгновение показалось, что ей выстрелили в голову. Но за этим последовало облегчение. Даже дышать стало проще.

– Спасибо.

– Не за что. Простите, что не помог обустроиться. Среди нас давно не было новеньких, и мы вас... потеряли. Если позволите, я провожу вас к остальным и познакомлю со всеми. Сейчас будет ужин, а потом вы сможете отдохнуть. Места здесь достаточно, так что не волнуйтесь, вам не придется ночевать в комнате Гидеона.

Грейс еще раз огляделась. Вокруг ничего не изменилось: все тот же ковер, длинный коридор и одинаковые двери.

– Давайте я проведу вас небольшую экскурсию, – с улыбкой предложил Диан Кехт. – Расскажу только самое необходимое. Весь этот этаж занимает Дикая Охота...

Они прошли мимо лифта и оказались на лестничной клетке. Бесконечные пролеты тянулись вверх и вниз. Номера этажа нигде не было видно. Грейс искала взглядом окна, но не заметила ни одного. Потом зашумел лифт, где-то с грохотом открылась дверь, стали слышны шаги и голоса.

– В отеле есть кто-то еще? – спросила она.

– О, тут много постояльцев, – охотно отозвался Диан Кехт, направляясь к ступеням, ведущим вниз. – Со временем вы узнаете об этом месте больше. Думаю, оно вам даже понравится.

«Сомневаюсь», – мрачно подумала Грейс, рассматривая безликие пейзажи на стенах. Лестница сначала шла прямо, но затем передумала и принялась закручиваться спиралью, меняя высоту и ширину. Даже перила, за которые Грейс держалась, сначала из металлических превратились в деревянные, а потом и вовсе исчезли.

– Где мы вообще? Это параллельный мир?

Диан Кехт оглянулся через плечо и мягко улыбнулся. Грейс так и не поняла, что скрывалось за этой улыбкой: насмешка над ее невежеством или сочувствие в духе «Бедная девочка, сколько всего ей еще предстоит узнать». Ни то, ни другое ее не устраивало, но не стоило ссориться с единственным здесь человеком, который отнесся к ней дружелюбно.

Некоторое время они молча спускались друг за другом – ширина лестницы не позволяла идти плечом к плечу. Грейс уже потеряла счет этажам, когда спутник внезапно заговорил:

– Если позволите дать совет, я бы не стал заострять внимание на терминах. Смею предположить, что параллельный мир в вашем понимании и в моем – совершенно разные вещи. Но мы с вами и не в стране мертвых, если этот вопрос вас интересует. Мы чаще называем это место просто «гостиницей» или «отелем», как раньше говорили «трактир» или «постоялый двор». Отсюда можно попасть почти куда угодно, если знать, где находится правильная дверь. Поэтому прошу вас, никогда не открывайте незнакомых дверей.

Они спускались и спускались. Казалось, лестница бесконечна. Этажи походили один на другой, как близнецы.

– Нам еще далеко? – не выдержала Грейс.

Диан Кехт встрепнулся, словно успел задремать, и растерянно извинился:

– Прошу прощения, задумался. Уже пришли. Это нижний этаж.

Действительно, лестница вывела их в холл, где по углам стояли кадки с пластиковыми пальмами, а на полу красовалась скучная желто-коричневая мозаика. Пустое пространство было заставлено безликой мебелью: длинными диванами и креслами из потертой кожи, торшерами и кофейными столиками, на поверхности которых виднелись мутные кольца от чашек. Узор на коврах давным-давно вытерся, так что сейчас невозможно было различить, что на них было изображено прежде: цветы или листья. Стойка администрации пустовала.

Все вокруг выглядело так, будто дизайнер, задумавший интерьер, хотел громко крикнуть посетителям в ухо: «Вот СОВЕРШЕННО ОБЫЧНЫЙ ОТЕЛЬ». Больше всего это место походило на гостиницу в курортном городке, которая была популярна, пока рядом не построили другую, поновее и посовременнее. Как полагается в таких заведениях, в дальнем углу холла разместился магазинчик. На его витрине красовались детские пластиковые ласты и надувной круг, а еще поблескивали черными экранами дешевые телефоны.

Единственная странность отеля заключалась в том, что нигде не было видно входной двери. Тележка для чемоданов была, но вот откуда могли появиться багаж и его владельцы – непонятно.

Еще Грейс интересовало, что случилось бы, не оклики она спутника. Они бы так и продолжали шагать по ступенькам, пока не дошли бы до самой преисподней?

– Скажите честно, вы усилием мысли прервали поток этажей?

– Вы слишком высокого мнения о моих талантах, Грейс, – смущенно отозвался Диан Кехт. – Всего лишь попросил здание сократить наш путь. Отель чутко относится к просьбам гостей. Будь мы в книге, он был бы персонажем, а не просто локацией. Как у Мураками или Стивена Кинга.

– Вы знаете Кинга? – поразила Грейс.

– Я не большой его фанат, – улыбнулся длинноволосый. Когда они вышли в холл, то смогли снова пойти рядом, и стало видно его лицо. – Но «Сияние» мне нравится. Такая, знаете, спокойная, медитативная книга...

– Я не читала.

Лора не одобряла массовую литературу в доме.

– Если будет интересно, я вам принесу, – оживился охотник. – Не волнуйтесь, у вас теперь море времени, чтобы читать.

Грейс почувствовала, как от этой фразы по спине пробежали мурашки, и поняла, что ей даже не сообщили, надолго ли она здесь и чем будет заниматься...

Кого преследует Дикая Охота? Кто ее жертвы? Ни Александр, ни Диан Кехт не выглядели кровожадными. Но ведь и Томас поначалу казался милягой. Если она и усвоила за последние месяцы какой-то урок, он заключался в том, что нельзя делать поспешные выводы о людях.

– Завтракаем мы обычно в столовой, – собеседник махнул рукой в сторону одного из коридорчиков рядом с магазином. – А ужинать стараемся на природе, под настроение. Еду

готовят дежурные, они сменяются. Остальные в это время кормят собак и ухаживают за лошадьми.

Грейс все не могла поверить, что она теперь действительно является частью Дикой Охоты. Где-то внутри ее головы скорчилась от ужаса, крепко зажмурившись, другая, маленькая Грейс, которая была напугана так сильно, что боялась двигаться. Она была уверена: стоит пошевелиться, как все плохие вещи, которые она придумала, произойдут одновременно.

«Плохие вещи уже произошли, – мысленно ответила большая Грейс. – Плачь или не плачь, это все равно уже случилось». Она осторожно закрыла в своей голове воображаемую дверь, за которой прятался ее напуганный двойник. Может быть, она утешит маленькую Грейс чуть позже, но сейчас нужно было сосредоточиться.

– Вы все время смотрите в сторону магазина, – заметил Диан Кехт. – Там есть что-то интересное?

– Вы пользуетесь телефонами? – ответила она вопросом на вопрос.

Диан Кехт заглянул ей через плечо, как будто хотел убедиться, что они говорят об одном и том же. Грейс подошла ближе к витрине. На устройствах не было видно ни ценников, ни названий, и все они казались совершенно одинаковыми, словно выросли на одном дереве.

Она спохватилась, что не знает, какая валюта здесь в ходу. Впрочем, денег у нее не было никаких.

– Кое-кто пользуется. Полагаю, это подарок от отеля, – улыбнулся Диан Кехт. – Они бесплатные.

– Значит, я могу взять один?

Он кивнул. Смартфон – это было что-то знакомое, приятное эхо прошлой жизни. Грейс схватила первый попавшийся, не выбирая, и тут же спрятала в карман, как будто боялась, что телефон исчезнет. Он казался тяжелее тех, к которым она привыкла, и как будто холоднее.

– Готовы пойти поужинать?

Она последовала за Дианом Кехтом к приоткрытой двери в глубине холла. На сей раз оттуда ничего не вывалилось, хотя Грейс на всякий случай задержалась на пороге.

А за дверью оказался лес.

На нее дохнуло ароматом костра и влажной травы. Краски вокруг были такими пестрыми, словно девушка попала на рынок специй. Листва пылала шафраном и куркумой, а закатное небо – тускло-розовое, с белыми прослойками облаков – походило на сливочное мороженое.

Лагерь стоял на широкой поляне, которая одной стороной упиралась в заросший деревьями холм, а другой – в озеро. Грейс сначала показалось, что здесь расположилось не меньше сотни человек, и все галдят, переругиваются и смеются... Но присмотревшись, она поняла, что охотников чуть больше десятка.

Посредине лужайки горел костер, над которым висели три массивных котла, а рядом на деревянном вертеле жарились несколько птиц. Какой-то мужчина в черных штанах и рубашке помешивал исходящее паром варево. На руках он носил перчатки, а лицо пряталось под темными бинтами так, что не видно было ни клочка кожи.

Рядом с поваром пристроилась троица черных собак с алыми ушами. Адские гончие или нет, но лакомый кусочек они выпрашивали точь-в-точь как обычные псы: заглядывали в глаза (которых все равно не было видно), поднимали хвостами пыль и нетерпеливо перебирали лапами. Забинтованный отмахивался от них, но потом не выдержал, отщипнул от птицы несколько кусков, подул, чтобы остудить, и швырнул собакам. Грейс тут же прониклась к нему симпатией.

– Почему у него лицо закрыто? – спросила она у Диана Кехта.

– Это Алва, – не понижая голоса, ответил тот. – На него нельзя смотреть... Вам не нужно ничего и никого здесь бояться, Грейс. Я знаю, мы поначалу можем производить отталкивающее впечатление. Но теперь Дикая Охота – ваша семья, и вас тут не обидят.

Грейс мрачно подумала, что семья – не лучший аргумент. Ее тетка была бы счастлива никогда не встречаться с племянницей, а родной дядя едва не вышиб ей мозги. Так что родственные чувства сильно переоценивают.

Прямо на земле перед одной из палаток лежали на животе двое юношей. Их кожа и волосы были белыми, как у альбиносов. Между ними возвышалась башенка из веток. Грейс подумала, что молодые охотники играют в какую-то версию дженги. Но вместо того, чтобы вытаскивать что-то из пирамидки, строители только добавляли в ее основание щепки и мелкие камушки, которые подбирали на земле.

Неожиданно один из игроков, почувствовав на себе посторонний взгляд, вскинул голову. Буквально через секунду его движение повторил второй. Они действительно оказались совершенно одинаковыми: у обоих были красивые лица с хищным злым выражением, черные блестящие глаза и такая бледная кожа, что вблизи наверняка можно было различить голубые вены на шее. Один из парней угрожающе осклабился, и Грейс отвела взгляд.

Диан Кехт тоже заметил, что двойняшки на них смотрят, и вежливо склонил голову в приветствии, ничуть не смутившись. Те перестали ухмыляться и слегка кивнули, вернувшись к своему занятию.

– Близнецы? – зачем-то спросила Грейс, хотя ответ находился у нее перед глазами.

Диан Кехт поднял брови и улыбнулся:

– О нет, на самом деле они даже не родственники. Анвен – подменыш, дитя «скрытого народа», которого вырастили в человеческой семье. Айнар – человек, живший среди фэйри. Никакой кровной связи, зато одна общая страсть.

– Убийство? – предположила Грейс, и ее спутник снова засмеялся теплым ласкающим смехом, который говорил: «Я знаю, почему ты так подумала, и это забавно».

– Архитектура.

Из леса вышел с охапкой хвороста гигант под семь футов ростом. Грейс на мгновение показалось, что она видит тролля, но у него была не такая огромная голова, да и сами габариты, хоть и впечатляющие, все равно не делали его ровней подземным жителям. Диан Кехт назвал его Ухтредом и больше про него ничего не сказал.

Великан носил что-то вроде килта, из-под которого торчали мощные мускулистые ноги, а по плечам и спине ползли синие татуировки. Он хмуро посмотрел на Грейс из-под нависших, как у пещерного человека, надбровных дуг, и ее охватила дрожь. Взгляд говорил то, что, наверное, остальные хотели бы произнести вслух: «Тебе тут не рады».

Голова пошла кругом, захотелось сползти на землю и сесть, обхватив голову руками. Лес завертелся волчком, стало трудно дышать. Перед глазами замелькали лица: мама, Томас, беловолосые близнецы, Диан Кехт, Александр, здоровяк в татуировках...

– Вот так, – услышала она бормотание над собой. Кто-то подхватил ее под локти с двух сторон и удержал от падения. – Осторожно, усаживай ее сюда.

Руки были сильными и надежными. Она повернула голову и увидела, что ее поддерживает тот самый гигант с ладонями, похожими на строительные ковши. Ухтред успел накинуть рубашку, так что Грейс не пришлось прижиматься к его голой груди.

Обессиленная девушка села на поваленное бревно, стараясь унять мелькание красок перед глазами. «Дыши», – напонила она себе.

Диан Кехт рядом повторял:

– Все хорошо, Грейс, все хорошо.

– Перенервничала, – прокомментировал чей-то знакомый голос. – Дайте ей воды, в таких случаях всегда дают воды.

– Тошнит? – участливо спросил охотник в белом. – Опустите голову между коленей.

Она послушалась, и дурнота действительно вскоре прошла. Рассматривая листья у себя под ногами, Грейс сделала еще несколько вдохов и очень медленно выпрямилась. На нее внимательно смотрели серые глаза Александра.

В последний раз, когда они встречались, на нем была ее шапка, а нос покраснел от мороза. Но здесь было тепло, так что шапку с него сняли. Светлые косички могли бы рассыпаться по плечам – если бы у него по-прежнему были плечи.

– Что, не думала, что так обрадуешься отрезанной голове? – подмигнул он, и Грейс улыбнулась. Не то чтобы они успели подружиться, но Александр действительно был единственным знакомым человеком из всей этой странной толпы.

Его голову держал в руках охотник в черном сюртуке и перчатках. Сначала Грейс приняла его за забинтованного Алву, но быстро поняла, что ошиблась. Длинное туловище венчала уродливая подсохшая тыква с дырками-глазами и искаженным в злобной ухмылке ртом. Похожая на хэллоуинскую поделку, она поворачивалась из стороны в сторону, как живая.

«Да у них у всех тут проблемы с головой», – подумала Грейс, чувствуя, как холодеют от страха ладони. «Послушай, – ответил тот спокойный и прохладный голос в ее сознании, который всегда помогал сохранять самообладание, – ты видела троллей, скрытый народец, тебя едва не убил двойник собственной матери... А этот тыквоголовый тебя пока пальцем не тронул, так что не спеши паниковать».

Незнакомец сунул Александра под мышку и осторожно пожал ей руку. Под кожаной перчаткой ощущалась твердая теплая кисть, неотличимая от человеческой. Александр усмехнулся из своего неудобного положения:

– Это Тыковка, молчун и всеобщий любимец. Рад тебя видеть в наших рядах, сестренка.

Представленное существо опустило руку на волосы отрубленной голове и взъерошило их. Грейс почувствовала, как напряжение начало отпускать. Многие из окружающих ее созданий выглядели пугающе, но пока – тут внутренний голос оказался прав – не сделали ей ничего дурного. Она улыбнулась Александру.

– Держись меня, – подмигнул тот, – я тебе все расскажу.

– Держаться тебя? – с недоверием переспросила она, и парень закатил глаза.

– Ладно, ладно... Я хотел сказать: «Держи меня, крошка». Тыковка, ты не мог бы передать меня этой прекрасной деве?

Тот ничего не ответил – видимо, говорить вырезанным ртом он не мог, – но кивнул, и Александр переключался из его рук в руки Грейс. Она не возражала.

Кожа Александра оказалась теплой, и даже ее цвет ничем не выдавал, что эта голова отделена от тела уже некоторое время. Грейс поудобнее перехватила ношу под подбородок, стараясь не касаться места среза. Косички на ощупь были жесткими и слегка масляными. Надо будет при первой же возможности вымыть ему волосы... Раз есть отель, то найдутся и маленькие бутылочки с шампунями и кондиционерами, ведь так?

Теперь, когда настроение улучшилось, она почувствовала, как устала и проголодалась. Принюхалась к котелкам с супом: вдруг найдется что-то без мяса?

– А скоро мы...

– Малыш, а вот и ты! Я повсюду тебя ишу!

Голос был таким резким, высоким и громким, что Грейс дернулась от неожиданности и чуть не выронила Александра.

– Поаккуратнее, – буркнул он. – Это Дайре.

Уже немного привыкнув к существам без головы или к тем, от кого осталась одна только голова, Грейс удивилась, увидев человека целиком. Он выглядел совершенно нормальным, вот только одет был не по погоде и не по ситуации.

Дайре оказался очень высоким. Он вышагивал, покачивая бедрами, обтянутыми в черный латекс. Его ноги сперва произвели на Грейс впечатление непропорционально длинных, пока она не разглядела, что парень обут в стрипы, каблуки которых уже нанизали целое канapé из листьев. Худой, в круглых темных очках, он смотрелся так, будто только что вынырнул из ночного клуба: легинсы, жилетка из искусственной кожи, голые руки и шипастый ошейник... В одной руке Дайре нес свернутый в плотное кольцо кнут, который выглядел бы как стильный аксессуар, если бы не был таким суровым. Игрушку не перепутаешь с оружием, а этот предмет совершенно точно не предназначался для веселья.

Грейс сглотнула, но никто, кроме нее, не казался обеспокоенным. Дайре обвил тонкой рукой плечи Диана Кехта. А у них приняты довольно близкие контакты...

– Мальчики и девочки, мы тут все очень хотим есть, – капризным голосом протянул прибывший. В зеркальных стеклах его очков сверкнуло закатное пламя. – Поэтому давайте-ка пошевелим попками и быстренько откатаем нашу обязательную программу. Которая каждый раз делает мне вечер, не буду скрывать. Но прямо сейчас я так хочу жрать, что, если мой желудочный сок выплеснется наружу, он сожжет к чертям весь этот лес.

Дайре кокетливо улыбнулся и протянул кнут Тыковке. Тот принял его с неохотой.

– Ты прав, – покорно кивнул Диан Кехт. – Не будем никого задерживать.

Поднялась суeta. Грейс не успела и глазом моргнуть, как поляна неожиданно опустела. Охотники – те, кого она уже видела, и те, кого еще не знала в лицо, – расселись на траве плотным кольцом, как перед началом представления. Алва пристроился на поваленном бревне, в ногах повара улеглись собаки. Близнецы-не-братья уместились плечом к плечу на брошенном на землю седле. Грейс с Александром остались стоять в компании Дайре. Он спустил очки на переносицу, придирчиво оглядел девушку с ног до головы и цокнул языком: «Пупс, давай ты усядешься где-нибудь, чтобы не крутиться под ногами, оки?»

Все еще не понимая, чего все ждут, она нашла место под деревом, пристроив голову Александра у себя на коленях. Отсюда Грейс открывался вид на поляну, а густая тень веток прятала ее саму от посторонних глаз. Кто-то подошел к костру и снял с огня котелки с варевом. Охотники гудели, как пчелы.

– А где ваш главный? – спросила она тихо.

– Прямо перед тобой, – ответил Александр.

Грейс подняла взгляд. На противоположной стороне прогадины в еще более густой тени сидел, вытянув ноги, Дикий Охотник. Мощные оленьи рога делали его фигуру огромной, и сколько бы ни пыталась Грейс рассмотреть господина, у нее ничего не выходило. Даже глаза заболели от напряжения. Потом рога шевельнулись, и она ощутила на своем лице чужой взгляд, от которого даже щеки зачесались.

– Ай, – выразительно прокомментировали снизу. От напряжения Грейс вцепилась в волосы Александра всей пятерней.

– Извини, – смущенно пробормотала она, зачем-то пригладив ему косички (нет, точно нужен шампунь!). – Так чего мы тут ждем?

– Наша маленькая семейная традиция, – усмехнулся парень. – Просто кое-кто очень любит выпендриваться.

В центре поляны перед костром остались только двое: Диан Кехт и Тыковка. Рыжая тыквенная голова без всякого выражения смотрела на длинноволосого юношу в белом, рука в черной перчатке сжимала кнут. Охотники заволновались, собаки перекинулись возбужденным тьяканьем, и Грейс показалось, что вокруг мгновенно стало темнее. Только спокойный, отстраненный взгляд Диана Кехта давал понять, что все идет по плану.

Тыковка опустил руку на плечо напарника и надавил, заставляя встать на колени. Тот послушно опустился на землю, повернувшись лицом к тому месту, где сидел Дикий Охотник.

Грейс были видны только спина в белой куртке и длинная взлохмаченная коса темных волос. Напряжение потрескивало в воздухе.

Тыковка медленно размотал змею кожаного кнута.

Глава V

КРИС

– Seriously? Ты взяла себе нормальный пуховик и трекинговые ботинки, а мне ничего?

– Финн, ты взрослый парень. Давай ты как-нибудь сам будешь собираться, ладно?

Мне не впервой было просыпаться от подобных споров. В конце концов, я вырос в семье с пятью братьями и сестрами и привык к воплям «Мама! Скажи ему!» или «Кто взял мои фломастеры?!» Но от лежания на полу все тело болело, кости ныли. Я потянулся и сел.

Скверное настроение Финна за ночь, похоже, не развеялось. Заметив, что я проснулся, он хлопнул ладонью по выключателю. Пришлось зажмуриться – свет ламп под потолком был такой яркий, что, казалось, сейчас выжжет сетчатку. Я посмотрел на Айрмед, она покачала головой и одними губами посоветовала: «Забей».

Сестра Финна действительно облачилась в теплые горнолыжные штаны, куртку со светоотражающими элементами и зимние ботинки. Сразу видно, кто из этих двоих красивый, а кто – с мозгами.

Прислушавшись, я понял, что в школе уже кипит жизнь: по коридорам бродили люди, слышался собачий лай, откуда-то пахло кофе. В класс вошла Клэр. Выспавшись, она выглядела гораздо лучше, была бодрой и посвежевшей. Она принесла нам ворох подходящей одежды: толстые куртки, штаны с утеплением и даже пару термобелья, которую Финн отдал мне. Похоже, она была недостаточно модной на его вкус. Хотя кого он в лесу собрался покорять своим нарядом – белок, что ли?

Сфотографировав себя на телефон, Финн критически оглядел снимок и остался недоволен: куртка была рассчитана на кого-то ниже ростом, зато штаны висели мешком. От шапки он сразу отказался, демонстративно отшвырнув ее в сторону.

– Я ее брать не буду, – предупредила Айрмед. – Если у тебя отвалятся уши на морозе, сам окажешься виноват.

Финн только презрительно фыркнул и отправился искать кофе. На всякий случай я записал шапку в рюкзак: если парню она не понадобится, верну Клэр. За пятнадцать минут я успел почистить зубы, умыться и перекусить парой бутербродов в столовой, да еще захватил с собой несколько для новых знакомых.

На улице все еще было темно, и холод тут же пробрал до костей. Я не представлял, как мы будем искать кого-то в сумерках. Но Клэр заверила, что, когда доберемся до лагеря, уже рассветет. Как и вчера, за руль села сестра Финна.

– Пристегнись, – бросил он мне.

Впереди сверкнули фары вездехода Клэр. Айрмед включила зажигание и медленно тронулась следом. Я еще вчера заметил, что водит она очень уверенно, как мой папа: сидит, откинувшись на спинку кресла и широко расставив колени, одна рука на руле, который ластится и подрагивает под знакомой ладонью.

– Давно управляешь машиной? – спросил я, чтобы как-то разбавить тишину.

– Лет сто, – весело отозвалась Айрмед. – Обожаю это дело! Мотоциклы люблю больше, но вообще освоила все, у чего есть колеса.

– А ты? – осторожно спросил я у Финна. Он помолчал некоторое время, словно решая, отвечать или нет, но в конце концов сдался:

– Не сажусь за руль.

– Совсем? – удивился я.

У кого в наши дни нет прав?

– Нет, блин, чуть-чуть! – тут же вспыхнул он.

Да что с ним сегодня! И впрямь будто подменили.

В салоне зазвонил телефон, и я весь похолодел, испугавшись, что это мама. Вчера я кинул ей сообщение: «Все нормально, добрался», но больше ничего писать не стал. У нее и так волнений по горло, не хватало еще за меня переживать!

Но звонили Финну. Звонили, и звонили, и звонили...

– Ты не хочешь взять трубку? – рявкнула Айрмед.

Вместо ответа он молча нажал «отбой» и отвернулся к окну. Но не прошло и полминуты, как телефон снова ожил. Обычно так настойчиво требует внимания либо начальство, либо кто-то, кого ты кинул.

– Финн, возьми трубку и скажи, что вы останетесь друзьями или что встретитесь и поговорите, – заявила Айрмед. – Так поступают взрослые люди.

– А все остальные как? – поинтересовался Финн, опять сбрасывая входящий вызов. На том конце поняли намек, и теперь вместо звонков посыпались оповещения мессенджера.

Его сестра вздохнула:

– Добавляют в «черный список». Но это путь в никуда, и это очень, очень глупо! Я уж молчу о том, что тебе этот человек ничего плохого не сделал.

Понятно. Финн из тех людей, которые легко знакомятся, чтобы потом так же легко и внезапно исчезнуть с радара. А ведь девушка или парень, которые ему сейчас звонят, наверняка перебирают каждую деталь последней встречи, пытаются понять, из-за чего этот придурок перестал отвечать.

Я помалкивал, потому что моего мнения не спрашивали, но внутри все кипело. С людьми нельзя обращаться как с мусором! Айрмед, похоже, такое поведение тоже раздражало, и она явно распекала брата не в первый раз.

Финн перевел телефон в беззвучный режим, врубил рэп и, откинувшись на сиденье, прикрыл глаза. Салон наполнился резкими рифмами. Айрмед бросила на брата раздраженный взгляд и сделала тише. Тот снова потянулся к регулятору громкости, но получил от сестры по рукам.

– Успокойся!

К моему удивлению, Финн вместо того, чтобы огрызнуться, послушно сунул ладони себе под бедра. Он вел себя так, словно его руки были дикими зверями, которые вышли из-под контроля.

Мир за окном тем временем из темно-синего превратился в мутно-серый. Айрмед еще не выключила фары, но видимость стала гораздо лучше. Мы свернули с трассы на снежную колею, которая вела в лес. На лобовое стекло с легким шорохом упал белый ком и тут же рассыпался, словно рис. На деревьях колыхались красные сигнальные ленты, похожие на подношения духам этого места. Машина сбросила скорость, и теперь я слышал, как под колесами скрипит снег.

Там, где мы раньше жили с Грейс, никогда не было настоящей зимы. На моей памяти только одно Рождество мы отмечали со снегопадом, который длился целых полчаса. Мы вышли на балкон в пижамных штанах и свитерах с оленями, обнялись и смотрели на разукрашенный праздником город, зелено-красный, как светофор...

Я должен ее найти! Если Грейс жива и блуждает где-то в этих горах, я просто обязан отыскать ее! Ради этих чертовых свитеров с оленями и всего, что мы пережили вместе. Айрмед бросила на меня теплый взгляд и улыбнулась кончиками губ.

– Мы постараемся ее найти, Крис, – сказала она, словно услышала мои мысли.

Посреди леса на расчищенной от снега полянке стояли две палатки из плотной ткани цвета хаки. Вокруг кольцом припарковались машины. За деревьями чернела горная гряда с белой неровной вершиной.

– Приехали! – услышал я голос Клэр.

Она была не одна – из того же вездехода вышел Томас, с которым мы познакомились вчера. Лицо у него было сосредоточенное, темные глаза внимательно изучали обстановку.

Все, кто собрался на поляне, сгрудились вокруг Клэр в ожидании указаний. Ростом она была ниже нас всех, но говорила так уверенно и отчетливо, что не требовалось прислушиваться, чтобы различать слова.

– Перед нами уже ушли кинологи с собаками, ребята работают на отклик. После них отправляемся мы. Зимой прочесываем местность часов пять, но если устанете раньше, подойдите ко мне, я отправлю вас в лагерь и вызову замену. Сейчас покажу на карте квадрат, откуда мы начнем поиски. В лесу внимательно наблюдайте друг за другом, чтобы никого не забыть. Это важно. Нельзя расходиться, нужно все время держать строй. Местность здесь хорошо просматривается, но все равно потеряться и замерзнуть проще, чем кажется. Это понятно?

Я кивнул, Айрмед и Томас сказали «да», а Финн совсем никак не отреагировал. Ну, конечно, мы будем стоять с высокомерным видом в духе «Чему-ты-собралась-нас-научить»...

– У кого уже есть опыт прочеса?

Руки подняли только Финн и Айрмед.

– Да, насчет вас я помню, – кивнула Клэр. – Тогда один из вас пойдет фланговым. Я выдам компас и навигатор.

Перед тем как отправиться, она показала, где можно выпить горячего. Я бы и впрямь не отказался от второй чашки кофе, да и оказаться подальше от все еще взвинченного Финна тоже было кстати. Они с Айрмед остались выяснять отношения возле машины, а мы с Томасом и Клэр двинулись к костру, где девушка в большой вязаной шапке и перчатках без пальцев разливала в жестяные походные кружки что-то теплое и ароматное.

Над огнем висело несколько котелков, в одном из них плавали зеленые листья, апельсиновые корки и палочки корицы. Пламя окатило меня жаром, и я отошел в сторону, чтобы на одежду не попали искры. Девушка повернулась к костру, вытряхивая из кружки остатки чая. Мне показалось, что я откуда-то ее знаю, но лицо было таким непримечательным, что, сколько ни пытался, я никак не мог ее вспомнить. Неожиданно помог Томас.

– Привет, Салли. Налей мне какао?

Точно, Салли! Девушка из аэропорта, которая подвезла меня до кафе, где работала официанткой. Должно быть, и сейчас она вызвалась помочь с едой.

Салли посмотрела на Томаса без всякого выражения, словно ей было совершенно все равно, кто перед ней стоит. Такое же лицо я замечал у своей старшей сестры, когда она страдала депрессией и целыми днями только плакала или лежала на кровати, глядя в стену.

– Конечно. – Она улыбнулась, но улыбка не дошла до глаз. Когда Салли снимала крышку с одного из котелков, рукав ее куртки приподнялся. На запястье был виден большой синяк.

Я почувствовал, как внутри все вспыхнуло, костяшки пальцев заныли. Вспомнил, как хотел поговорить с Салли еще тогда, в машине, но малодушно не решился. Если предложить помощь сейчас, послушает ли она?

Томас проследил за направлением моего взгляда и нахмурился, тоже заметив синяк. Я думал, что девушка натянет рукав обратно, но она не стала этого делать. Только повернулась ко мне и уточнила:

– Тебе то же самое?

Какао мне не слишком хотелось, но надо было завязать разговор.

– Да, спасибо... Салли, а ты меня помнишь? Ты подвозила меня из аэропорта.

Она коротко взглянула мне в лицо и растерянно покачала головой:

– Извини, не могу вспомнить, темно было.

Да-да, а еще твой пьяный бойфренд мешался...

Томас поднял брови:

– Вот как? Вы тоже, оказывается, знакомы? Мир тесен.

– Не мир, – отозвалась Салли, протягивая мне кружку с какао, которое немедленно подернулось пенкой от разницы температур. – Фьельби.

– Несладко, – пожаловался Томас, делая глоток.

Его только это волнует? Серьезно?!

Салли виновато вздохнула и протянула ему дополнительную пару пакетиков сахара.

– Послушай, – от волнения у меня охрип голос. – Я понимаю, что это не мое дело, но...

Сзади кто-то громко засвистел в свисток. Я обернулся: Клэр махала нам рукой, показывая, что пора выходить. Не хотелось бросать Салли, не поговорив, но и задерживать всех остальных было нельзя.

– Ты же будешь здесь, когда мы вернемся?

– Конечно, – безразлично ответила она. – Где мне еще быть?

Стоило отойти от костра, как пошел снег. Крупные мягкие хлопья падали медленно, оседая на ветках деревьев. Клэр подозвала нас к походному столику под навесом и показала на карте квадрат, который предстояло прочесывать. Он располагался совсем близко к горе, и от мысли, что мы можем найти там тело Грейс, которая сорвалась с вершины, у меня свело желудок.

К нам присоединились Айрмед и Финн. Айрмед улыбалась, зато у ее брата кончики ушей уже предательски покраснели от мороза. Клэр заявила, что без головного убора не пустит его в лес, и стояла на своем, пока Финн не согласился взять у меня шапку.

Мы двинулись в глубь чащи по вытоптанной в сугробах тропе, мимо обледевших стволов и черных росчерков веток. На снегу остались отпечатки собачьих лап, и мне показалось, что я слышу впереди лай. Настроение у всех было странное. Будь это обычный поход, мы могли бы шутить и смеяться, но сейчас это было неуместно, поэтому все шагали в сосредоточенном молчании.

Наконец мы добрались до места. Здесь утоптанная тропа заканчивалась. Клэр построила нас в шеренгу и еще раз повторила, что, если что-нибудь найдем, пусть даже пластиковый пакет, нужно сразу звать ее. Потом она ушла на другой фланг. Айрмед в яркой куртке, заметной издали, стояла последней в ряду с нашей стороны.

– Все готовы? – послышался звучный голос Клэр.

Я еще раз убедился, что шнурки на ботинках завязаны, а куртка плотно застегнута. Через несколько секунд прозвучала команда:

– Вперед!

Впервые в жизни я не просто видел снег в таком количестве, а еще и ходил по нему. Оказалось, это совсем не просто. Здесь никто не убирал сугробы, так что с первого же шага я провалился по колено. Благодаря туго зашнурованным ботинкам ноги остались сухими, но холод просачивался сквозь ткань. Слева и справа от меня двигались люди, оставляя за собой глубокие борозды. У меня никак не получалось выбросить из головы мысль, что можно наткнуться на окоченевшее и замеченное снегом тело Грейс.

Время шло, становилось все светлее: невидимое за тучами солнце поднималось к зениту. Мы медленно продвигались в сторону горы, стараясь держаться на одинаковом расстоянии друг от друга. Шедшая слева Айрмед периодически сверялась с компасом. Над нашими головами крикливо переговаривались сороки, оповещая весь лес о чужаках. Один раз я заметил следы и подумал, что они принадлежат оленю, но сосед справа сказал, что их оставил кабан.

– Опасная зверюга, – заметил он. – Надеюсь, не напоремся на него.

Мои представления о кабанах заканчивались на Пумбе. Я понятия не имел, почему нужно бояться исполнителя песни «Акуна Матата».

– А он может убить человека?

Сосед фыркнул, услышав мой вопрос:

– Запросто!

Мне стало не по себе, но Айрмед спокойно сказала:

– Мы так шумим, что вопри давным-давно убралась подальше. Они, знаешь ли, тоже не жаждут встречи с человеком.

Поначалу полотно снега казалось мне нетронутым, но после кабаньих следов я стал замечать и другие отметины: ямки, сухие кустики и пятна почерневшей травы. Один раз перед нами стрелой пронесся перепуганный заяц. Не знаю, как долго мы так шли, но остановились только один раз, когда Томас отыскал среди сугробов смятую банку из-под газировки. Клэр внесла в навигатор точное место, где ее нашли, положила предмет себе в рюкзак и велела продолжать прочесывать местность.

По указаниям главы группы мы зарывались глубоко в снег, вытаскивали все, обо что спотыкались, и тщательно расчищали упавшие стволы. Казалось, прошли миль шесть, но Айрмед сказала, что не будет и двух. Просто из-за того, что пробирались мы медленно, время искалось. Один раз сделали перерыв на десять минут, чтобы выпить горячего чая из термоса и немного отдохнуть.

К этому времени ноги у меня совсем замерзли, зато по спине под курткой текли ручейки пота. Чтобы продвигаться вперед по сугробам, приходилось прилагать массу усилий. Гора была уже совсем рядом: издалека она казалась черной, но вблизи оказалась темно-серой с вкраплениями рыжины. Искривленные деревья цеплялись корнями за склоны, словно подстерегая добычу, которая должна была свалиться с высоты прямо к ним в пасти. Я задрал голову, пытаюсь рассмотреть вершину, но она терялась в клубах плотного тумана.

– Финн, посмотри-ка...

Айрмед направилась к горе, сломав строй. Я был уверен, что Клэр одернет ее, но та продолжала изучать сугроб рядом с собой, будто ничего не заметила. Сестра Финна тем временем вскарабкалась на крупный обледенелый валун. Ее ноги до самой талии облепил снег, словно толстые белые носки.

Склонив голову, Айрмед рассматривала что-то на камне. Вообще-то полагалось позвать Клэр, чтобы та зафиксировала точное место находки. Но вместо этого девушка окликнула брата.

– Что там? – спросил он, одним прыжком поднимаясь на валун и протягивая мне руку. Ладонь была такая горячая, словно внутри тела работал аккумулятор. Стоило уцепиться за нее, как Финн с удивительной легкостью выдернул меня из снега. Ого, а с виду и не скажешь, что он такой силач!

Айрмед держала в руках что-то блестящее.

– Подкова? – удивленно спросил ее брат. – Тут разве так много лошадей?

– А ты погляди внимательнее, – посоветовала Айрмед, стряхивая снег с находки.

Я тоже уставился на стальную штуковину. Конечно, я не специалист по кузнечному делу, но подкова казалась совершенно обычной – разве что была чересчур блестящей, как елочное украшение.

– Смотрите, – вздохнула Айрмед, словно досадуя на нашу несообразительность. Она выпрямилась и выпустила находку из рук. Я дернулся, чтобы поймать ее: сейчас ведь утонет в снегу, потом будем час искать! Но подкова даже не подумала падать. Вместо этого она застыла в воздухе, как приклеенная.

Финн нахмурился и обменялся с сестрой странными взглядами. Я подошел к ним, поскользываясь на неровной поверхности валуна. Вблизи подкова не издавала ни жужжания, ни шороха. Я надавил на нее – и почувствовал сопротивление, да такое сильное, что мог бы повиснуть на блестящих рожках, а железяка и тогда не двинулась бы с места.

– Как дрон может работать так бесшумно? – спросил я у Финна с Айрмед.

– Это не дрон, – неожиданно ответили они хором.

– Ага, конечно! Просто заколдованная подкова, да?

Но моей шутки никто не оценил. Брат с сестрой даже не глянули в мою сторону. Девушка вздохнула и прикрыла глаза.

– Дурной знак, – заметил Финн похоронным голосом.

– Не глупи, – возразила Айрмед. – Возможно, тут их тропа... Положим на место и сделаем вид, что ничего не заметили. Они просто вернутся и заберут ее, не нервничай.

Веснушки на лице парня побледнели, он действительно распахивался: то тер ладони друг о друга, то запускал пальцы в волосы. Казалось, он опять теряет контроль над собственными конечностями. Айрмед с силой схватила его за запястья и сжала.

– В каком смысле «положим на место»? – не понял я. – Мы же должны сообщать обо всех находках... Эй, Клэр!

Только сейчас я заметил, что остальные поисковики ушли далеко вперед. Нашего отсутствия никто не заметил.

– Крис, не шуми, пожалуйста, – попросила Айрмед, все еще держа брата за руки.

Подкова неподвижно лежала в воздухе, как на невидимой полочке. На блестящей поверхности играли солнечные блики.

– Нам лучше убраться подальше, – сказал Финн, облизывая губы. В его голосе звучала паника, хотя я никак не мог взять в толк, из-за чего. Что в этой летающей безделушке его так напугало?

– Мы скоро уедем, – убеждала его Айрмед спокойным ровным тоном. – Все хорошо. Давай попробуем дыхательное упражнение, которому учил тебя психотерапевт. Помнишь? На четыре счета вдох, задержали дыхание, на четыре счета выдох...

Финн резко выдернул руки:

– Эта хрень не работает! Я успокоюсь, только когда мы отсюда свалим!

– Нужно рассказать Клэр, – напомнил я.

– Нет, не нужно! – рявкнул Финн. – Оставь подкову здесь и не прикасайся к ней!

– Еще чего! – возмутился я.

Он вообще в своем уме? Может быть, это зацепка, которая поможет отыскать Грейс!

Я протянул руку, чтобы схватить подкову, – и неожиданно замер. Тело оцепенело, мышцы застыли и отказались слушаться. Мне потребовалась секунда, чтобы запаниковать, и еще столько же, чтобы убедиться: я могу дышать, моргать и двигать глазами. Но грудь все равно сжимало так, что не получалось сделать глубокий вдох, и я лишь бестолково бился в сгустившемся воздухе, как муха в смоле.

Финн взглянул на сестру и крикнул:

– Перестань! Я же просил никогда так не делать!

«Как?» – хотел спросить я, но губы не шевелились. Айрмед схватила подкову, сунула в карман куртки и посмотрела на меня. В ту же секунду мышцы ожили, и я снова смог двигаться.

– Что это было? – у меня дрожали руки, язык не слушался. – Гипноз?

– Ты о чем? – невинно переспросила Айрмед.

Наверное, со стороны я и вправду выглядел глупо. Но ведь мне не показалось! Раньше такого никогда не случалось. Иногда секунды словно замедлялись или ускорялись во время забегов, но ни разу меня не охватывал внезапный паралич. Как она это делает?

Финн мрачно смотрел на сестру, сунув руки в карманы, и молчал. Я тоже стоял в растерянности. Что теперь делать: хватать Айрмед и обыскивать, пытаться вернуть подкову силой? Вряд ли мне это позволят...

Как раз в этот момент нас окликнула Клэр и сообщила, что пора возвращаться. То, что мы втроем спрыгнули с валуна, ее совершенно не удивило. Я хотел рассказать ей о нашей находке, но понятия не имел, как это сделать, чтобы не показаться полным психом.

Айрмед обнаружила летающую подкову, но тут же спрятала ее, а меня парализовала взглядом, чтобы я не воспротивился... Так, что ли?

Так ничего и не придумав, я шагнул молча. Теперь мы шли зеркально, и Айрмед двигалась справа от меня, стараясь наступать на свои следы. Я утешал себя тем, что находка не имела никакого отношения к Грейс. Вряд ли та вообще бывала в этой части леса.

Небо тем временем уже окрасилось синевой. Под деревьями быстро темнело, пришлось включить фонари. Под мелькание света я согрелся и поймал ритм шагов. Казалось, мог бы так идти бесконечно и очень удивился, когда лес вдруг закончился.

Лагерь выглядел так же, как раньше, только теперь у огня лежало несколько собак да сменилась парочка машин. Волонтеры уезжали и приезжали, обсуждали места поисков, настраивали навигаторы. Клэр подвела нас к костру, где Салли, все такая же приветливо-безучастная, по-прежнему разливала чай и раздавала сэндвичи.

Чтобы поесть, я отошел в сторонку и уселся за деревянный стол под навесом. Честно говоря, после того, что случилось у подножия горы, просто не хотелось оставаться поблизости от Айрмед. Но вскоре кто-то опустил на скамью возле меня. Я поднял голову, ожидая, что это Финн явился сгладить неловкость. Но вместо него рядом оказался Томас.

Что ж, так даже лучше. Мы провели бок о бок почти целый день, но так толком и не поговорили. Этот парень хотя бы не пытался меня гипнотизировать.

Томас был поджарым, с крепкими ногами. Наверное, тоже бегун, во всяком случае, телосложение подходящее. Кожа у него выглядела не такой светлой, как у жителей Фьельби, но и недостаточно темной, чтобы назвать его южанином.

– Слушай, а ты ведь тоже не местный? – спросил я, вспомнив, что вчера у него не было с собой теплой одежды.

– И да, и нет, – охотно отозвался Томас, салютуя мне кружкой с какао, из которой шел шоколадный пар. – Родился здесь, но уехал сразу после школы. А теперь вот решил побывать в родных краях.

– Навещаешь родителей?

– Я сирота, – пожал он плечами. – Мама умерла около года назад, а отчим – совсем недавно.

– Слушай, извини, я не знал...

Получилось неловко. Пока я спешно подыскивал другую тему для беседы, к лагерю подъехала еще одна машина. Она казалась смутно знакомой, но во Фьельби я большую часть времени провел в сумерках, так что не мог точно определить, где ее видел. Зато когда дверца водительского сиденья распахнулась и оттуда вывалился детина с побагровевшим лицом, я сразу его узнал.

Стен в этот раз не был пьян, но полыхал такой яростью, что, казалось, вот-вот взорвется. Мы не успели опомниться, как он подскочил к Салли и заорал:

– Какого хрена! Какого хрена, я тебя спрашиваю, я горбачусь на работе, чтобы потом приехать домой и самому себе готовить гребаный ужин, пока ты здесь прохлаждаешься?!

– Стен, поспокойнее, – пыталась осадить его Клэр, но бесполезно. Разъяренный тип оттеснил ее в сторону и, схватив Салли за руку, отвесил девушке звонкую пощечину.

Я бросил сэндвич на стол, перескочил деревянную скамью и рванул к ним. Но меня опередили.

Томас оказался рядом со Стеном так быстро, что я даже не понял, как он это сделал: казалось, просто исчез и материализовался в центре поляны. Преимущество было явно не на стороне жилистого и невысокого парня против злобного громилы весом в центнер. Но почему-то от первого же удара Стен покачнулся, изо рта у него вылетела кровавая слюна. Он попытался ответить, но Томас не дал противнику опомниться – сделал подсечку, повалил на спину, тут же вскочил на него верхом и впечатал кулак в лицо: раз, второй, третий... И проделал все это со странно мечтательным и отрешенным выражением лица, словно не человека избивал, а слушал музыку.

Все случилось так быстро, что никто ничего не успел понять. Салли стояла неподвижно, потирая запястье и без всяких эмоций глядя, как ее бойфренда размазывают по земле. Голова Стена от ударов дергалась из стороны в сторону, кровь текла на снег, а люди вокруг просто стояли и смотрели на происходящее, как в трансе. Я пытался подбежать к дерущимся и не мог – пугающее онемение вернулось второй раз за день.

Одни только Финн и Айрмед сохранили способность соображать и двигаться. Они синхронно выросли по обе стороны от Томаса, схватили его под руки, как санитары буйного психа, и не без усилий оторвали от Стена. Финн схватил драчуна за локти, заводя их за спину, но тот, впрочем, и не вырывался.

Айрмед опустила на колени рядом со Стеном.

– Вызовите скорую! – скомандовала она.

Клэр встряхнула головой, словно просыпаясь, и схватилась за телефон. Остальные тоже пришли в себя и суматошно задвигались.

– Полицию тоже нужно вызвать! – крикнул кто-то.

– Все хорошо, – негромко сказал Томас, повернув голову в сторону Финна. – Отпусти меня, пожалуйста.

– Сейчас, – пообещал тот. Если бы не поза, в которой они стояли, их беседу можно было бы назвать дружеской. – Давай постоим чуть-чуть, остынем, и я тебя обязательно отпущу.

Томас нахмурился, но возражать не стал. Не похоже, чтобы ему крышу сорвало от ярости: он выглядел собранным и спокойным, как профессиональный боец, и не сопротивлялся.

Стен, лежа на снегу, неприятно сипел и скулил. В горле у него что-то булькало.

– Глаза целы, – сообщила Айрмед, осматривая его, – но сломаны челюсть и нос.

Она принялась удалять изо рта сгустки крови и обломки зубов. Под ее руками, ловкими и опытными, Стен как будто обмяк и перестал скулить. Я мог бы посочувствовать ему, но вспомнил синяки Салли, ее пустой загнанный взгляд – и не стал. Может, не стоило так быстро оттаскивать Томаса?

Финн тем временем его уже отпустил. Парень бросил короткий взгляд в сторону Стена, поправил куртку, достал из кармана бумажные платки и, прижав один к разбитым костяшкам, пошел пешком по направлению к дороге. Наверное, надо было задержать его, чтобы дожидаться полицию, да и уходил он не то чтобы очень быстро, но никто не пытался его остановить. Если Стен захочет, то накатает заявление, но все прочие явно не собирались винить Томаса в том, что он избил подонка. Зверски избил, да, но Стен это заслужил. Вряд ли тот удар был первым, и синяк на запястье Салли был тому подтверждением.

– Как ты доберешься до города? – крикнула Клэр Томасу вслед. – Попутку в такое время ловить бесполезно!

– Кто-нибудь да подкинет, – беспечно ответил он, слегка повернув голову. – Есть желающие?

– Я отвезу, – вдруг ответила Салли. – Будет здорово, если сможешь остановиться у меня.

Плохая идея, очень плохая! Да, Томас вступился за нее, но у человека, который так отделился от другого, явно не все в порядке с агрессией. Опасно отпускать с ним Салли, которая сама недавно пережила насилие.

– Давайте лучше мы, – вмешался я.

– Вот как? – Томас заинтересованно обернулся и направился к нам. Руки в карманах, походка раскачивающаяся, неторопливая, но я невольно подобрался. Финн вырос у меня за спиной и положил руку на плечо. Стало спокойнее.

– А Салли вы потом куда денете? Стен может пробыть в больнице несколько дней, а может и пару часов, и он точно знает, где живет девушка. Есть на примете безопасное место? Или ты предлагаешь ей тоже спать в школе на полу?

– Салли, – Клэр демонстративно обращалась только к ней, – ты можешь остановиться у меня, я за тобой присмотрю.

Нет, с нами ей точно безопаснее! Я собирался это сказать, но Томас меня перебил:

– Крис, я уверен, что ты хороший парень и беспокоишься за девушку. Думаешь, раз я избил ее бойфренда, то черт знает, чего еще от меня ждать. Но, во-первых, у вас самих сейчас дел по горло. Во-вторых, мы давно знакомы, и я не обижу ее. Просто хочу быть уверенным, что эта скотина не станет ей угрожать, когда выйдет из больницы. Да и вообще Салли – взрослая женщина, она может сама решать за себя, правда?

Где-то вдали раздалась сирена «Скорой помощи».

– Ты действительно хорошо его знаешь? – спросила Айрмед. Она по-прежнему сидела рядом со Стеном. Глаза у него были закрыты, а у сестры Финна – руки в крови, хотя ее это, кажется, совершенно не беспокоило.

– Да. Все нормально, – прошептала Салли.

Она открыла дверцу своей машины и приглашающе кивнула Томасу. Тот расплылся в широкой улыбке. Но прежде, чем он успел сесть на пассажирское сиденье, Клэр схватила его за предплечье. Взгляд у нее был жесткий и холодный.

– Попробуй хоть пальцем ее тронуть!

Томас взглянул на ее руку, не переставая улыбаться.

– Мило, – кивнул он. – Не пробовала вступить за Салли раньше?

Это был удар ниже пояса. Клэр выпустила его и сделала несколько шагов назад, будто ее толкнули. Дверца захлопнулась. Зажглись габаритные огни, машина вырулила со стоянки, несколько раз подпрыгнула на снежной дороге и скрылась в сумерках. Мы все стояли и смотрели ей вслед, как замороженные.

– Пойдемте-ка поедим, – предложил наконец Финн, прерывая молчание.

Что ж, самое время.

Глава VI

ГРЕЙС

Если бы кто-нибудь объяснил, что происходит, ей стало бы гораздо легче. Но единственным, кто мог это сделать, был Диан Кехт, а он прямо сейчас преклонял колени перед рогатой тенью. За его плечом возвышался Тыковка, который пугающе медленно разматывал хвостатый кнут.

В такой ситуации легко представить себе дальнейшее развитие событий. Грейс старалась дышать ровно и глубоко, чтобы не нервничать. Под ее пальцами голова Александра оставалась совершенно спокойной и неподвижной. Когда девушка опустила взгляд, он с наслаждением зевнул.

– Серьезно? – она с упреком развернула собеседника к себе. – У тебя даже легких нет, чтобы насыщать их кислородом. Или ты так демонстрируешь свою крутость?

– Мне незачем демонстрировать крутость, – обиделся тот. – Мне просто скучно. Поверь, через три-четыре такие сессии ты сама начнешь дремать.

Грейс так не казалось. Она усилием воли заставила себя смотреть, как Диан Кехт стягивает через голову тунику, а следом за ней – нательную рубаху. Думала, что сейчас увидит белую гладкую кожу с нежными островками родинок, но вместо этого под тонкой тканью пряталась уродливая сетка рубцов – они походили на змей, которые пытаются прорваться сквозь плоть. При одном взгляде на эти шрамы у самой Грейс начало саднить между лопаток, словно от укусов муравьев.

Диан Кехт двигался обстоятельно и спокойно. Он не спешил, но и не желал задерживать зрителей: переложил темную косу с медным отливом со спины на плечо, чтобы не мешалась, склонил голову. Его поза излучала покорность.

Первый удар Тыковка нанес без предупреждения, и толпа слегка вскипела, как кофе в джезве. Охотники ерзали на своих местах, посмеивались, будто пришли в цирк, а не глазели на то, как полосуют чью-то спину.

Грейс ожидала, что след от удара будет похож на широкую ссадину, но кнут рассек кожу и мышцы почти до кости. Диан Кехт дернулся и упал ничком, кровь вспенилась в глубокой борозде и потекла по бокам. Грейс думала, что скоро он, как в кино, поднимется и выпрямится, но охотник остался лежать. Второй удар подбросил его тело вверх, а после третьего от спины отошел лоскут кожи.

Во рту Грейс пересохло, на языке ощущался противный металлический вкус. Она хотела отвернуться, но не смогла, вид крови словно притягивал взгляд.

Четвертый удар вышел совсем слабый, и зрители были явно недовольны. Но Тыковка уже свернул кнут и отошел в тень. Диан Кехт лежал на траве, не шевелясь, и девушка отгоняла от себя мысль, что единственный человек, проявивший к ней симпатию, сейчас может быть мертв. Тут вообще можно умереть?

– Ему нужна помощь? – сглотнув, спросила она.

– Кому? – удивился Александр.

Грейс подождала, пока до него дойдет. Дошло не сразу.

– Боги, Диану Кехту? – наконец расхохотался он. – Ты шутишь?!

Грейс разозлилась и сильно щелкнула его по носу.

– Ай! – Александр перестал смеяться. Ага, значит, все-таки больно! – Слушай, это несправедливо, могла просто переспросить... Нет, Диану Кехту твоя помощь не нужна.

– Он не умрет?

– Ты сейчас отрезанную голову спрашиваешь?

Возражение было справедливое.

– Но ему больно!

– О, вне всяких сомнений, – равнодушно ответил Александр.

Грейс не могла больше этого выносить. Вскочив, она оставила голову у корней дерева и побежала в центр поляны. Никто ее не останавливал.

Диан Кехт лежал неподвижно. С развороченной спиной он походил на неумело разделанную индейку, но его руки слабо подергивались. Кровь на плечах свернулась и подсохла, волосы тоже испачкались и прилипли к ранам темной паутиной. Когда Грейс дотронулась до его локтя, охотник вздрогнул, и она убрала руку.

У нее на глазах он медленно поднялся – сначала на четвереньки, затем выпрямился и сел.

– Как я могу вам помочь? – спросила она. Диан Кехт казался оглушенным и как будто сонным. К его щеке прилипла земля: так у только что проснувшихся людей на лице остаются складки от подушки. Грейс протянула ему рубашку и тунику. Диан Кехт тепло улыбнулся.

– Вы очень добры, но со мной все в порядке. Я быстро восстанавливаюсь, – он тихо и невесело засмеялся. – Быстрее, чем мне бы того хотелось. Быть может, стоило выбрать не кнут, а что-то посерьезнее...

Он нырнул в рубашку и накинул сверху тунику. От того, что Грейс не могла больше видеть ран, стало спокойнее. Да и двигался Диан Кехт совсем не как человек, которому только что рассекли плоть до кости.

Другие охотники не обращали на них никакого внимания. Они тащили миски и ложки, рассаживались на бревнах вокруг костра. Дайре принес откуда-то низенький раскладной стул, похожий на детский.

– За что вас наказали? – спросила Грейс.

– О, что вы, это вовсе не наказание, – Диан Кехт удивленно округлил глаза. – Это одолжение.

Он мазохист? Но она не успела спросить, как охотник заглянул ей в глаза. Это был спокойный взгляд человека, отдавшего свою волю в чужие руки по собственному желанию. От его смиренного вида Грейс смутилась, а он взял ее за кисть и ободряюще сжал.

– Пойдемте лучше заберем Александра – вряд ли ему нравится валяться под деревом. А потом наконец поужинаем. Вы голодны, Грейс, хотя от волнения этого не чувствуете.

Он оказался прав. Стоило ей взять под мышку возмущенную голову и подойти к костру, как даже запах тушеной зайчатины и запеченной птицы показался аппетитным. Вокруг котлов собрались почти все охотники, кроме рогатого всадника. Некоторые ели без посуды и приборов, держа мясо за косточку. Грейс заметила, как один близнец вытащил у другого из миски мягкий кусочек и отправил себе в рот. Его двойник не возражал – он закончил обсасывать кость и с хрустом разгрыз ее. У ног Алвы снова собрались собаки, нетерпеливо виляя хвостами.

Стоило троице приблизиться к костру, близнецы одновременно сдвинулись на бревне, давая им сечь. Грейс осторожно устроилась на краешке, а голову Александра поставила рядом так, что щекой он прижимался к ее бедру. Диан Кехт услужливо подал ей деревянную миску и деревянную же ложку.

– Вы ведь вегетарианка, я не ошибся? – спросил он.

Последний вопрос, который она ожидала услышать в этих краях! Интересно, дальше последует уточнение про глютен и лактозу? Но Диан Кехт только поинтересовался:

– Налить вам овощной суп? Тут осталось довольно много.

– Д-да, – неловко отозвалась Грейс, протягивая ему свою миску. – Спасибо.

Александр зашевелился рядом с ее ногой.

– Диан Кехт тоже не вкушает плоти живых существ, – едко прокомментировал он.

– Веселишься, мой друг? – не оборачиваясь, подал голос тот, разливая овощной суп по мискам.

– Немного. Меня восхищает твое смирение.

– Тут нечем восхищаться. – Он протянул Грейс плошку, до краев заполненную ароматным бульоном с плавающими в нем кусочками овощей и корней. – Но я рад, что вызываю у тебя улыбку. Обещаю скоро подумать о твоей проблеме.

Александр резко помрачнел, а Диан Кехт уселся рядом с девушкой. С ним было удивительно спокойно даже в такой странной компании. Кроме него и Александра, к Грейс никто не обращался, никто не спрашивал ее имени и не называл своего. Охотники словно не замечали новую соратницу. Алва щедро подкармливал псов кусочками мяса, а потом дал одному облизать свою миску. Дайре смеялся высоко и манерно, откидываясь назад. Дикий Охотник к ним так и не присоединился – остался сидеть неподвижно под деревом. Грейс снова попыталась разглядеть его лицо. Бесплезно: капюшон был надвинут так низко, что невозможно было рассмотреть, кто под ним прячется.

Девушка была так голодна, что суп показался невероятно вкусным. Она проглотила похлебку за минуту и не отказалась, когда Диан Кехт предложил добавку. Дайре, расправившись со своей порцией мяса, грациозно подсел к отрезанной голове Александра и стал кормить ее маленькими кусочками зайца, мурлыча: «За маму... за папу...» Грейс с интересом наблюдала за процессом, ожидая, когда прожеванная кашка вывалится из шеи, но так и не дождалась. Еда пропадала в Александре с концами.

Поймав ее взгляд, Дайре приподнял очки и радостно подмигнул. Глаза у него были оранжевого цвета, какие бывают только у котов. Диан Кехт, мгновение назад сидевший слева от нее, куда-то исчез, и Грейс заметила лишь край белых одеяний среди деревьев.

Тем временем из леса появились еще двое: один жуткий, с почти черной кожей и кошачьими когтями вместо пальцев, второй – похожий на человека, с золотыми волосами и тонкими чертами лица. Его красота отзывалась внутри Грейс резкой неприязнью – почему-то сразу вспомнился Томас и то, как он ей нравился, пока не разбил ее лицо о приборную панель.

– Где были? – поинтересовался Дайре. – Без вас почти все съели!

– Танцевали, – ответил тот, что с кошачьими когтями, бесстыдно нанизывая на один из них кусок мяса. – Научил вот Караха парочке движений, чтобы он не позорился на вечеринках.

Золотоволосый тем временем перекладывал себе в миску остатки тушеной зайчатины. Грейс заметила, что на руках у него плотные черные перчатки.

– Карах у нас и так звезда компании, – произнес Дайре кокетливо.

– Звездочка, – передразнил чернокожий и, смеясь, увернулся от оплеухи златовласого. Мясо соскользнуло с его когтя и плюхнулось в траву, куда немедленно нырнула жадная собачья морда. Странно было видеть, как эти нечеловеческие создания дурачатся и смеются совсем как люди.

Карах ухмыльнулся уголком рта, искал взглядом свободное место и, не найдя, собрался пристроиться на траве. Грейс посмотрела на голову Александра, которая сонно посапывала рядом с ее бедром, и подняла руку, привлекая к себе внимание.

– У нас тут есть место на бревне, – сказала она. Хотела, чтобы прозвучало просто и доброжелательно, но вышло как-то натужно. Как будто на вечеринке пытаешься познакомиться с симпатичным парнем, при этом изо всех сил делаешь вид, будто тебя он совершенно не интересуется.

– «Благодарю», – громким шепотом подсказал черный. – Вот что полагается говорить в таких случаях. Давай, Карах, ты сможешь, я верю в тебя!

– Идиот, – холодно бросил золотоволосый, и его взгляд без всякого интереса скользнул по Грейс. – Не надо, мне и на траве удобно.

– Это было невежливо, – ответила она.

На секунду все замолчали, и даже хриплый смех когтистого стих. Дайре поднял брови, на губах у него зазмеилась ухмылка. Карах нахмурился и замер, держа миску в руках.

– Что? В каком смысле?

– Невежливо так себя вести, – пояснила Грейс.

– Я ничего не сделал.

– Сделали. Вы даже не поблагодарили меня и не спросили моего имени. Хотя видели, что я сижу тут одна с отрезанной головой, что мне неудобно и я всячески пытаюсь привлечь внимание, лишь бы со мной кто-нибудь заговорил.

Грейс произнесла это спокойно, глядя прямо в глаза новому знакомому, который недоуменно заморгал в ответ. Когда-то Лора наставляла: «Если люди ведут себя как засранцы и обижают тебя, не надо их оправдывать и убеждать себя, что они не хотели ничего плохого. Они хотели». Высказавшись, Грейс больше не чувствовала неловкости и смущения. Пускай теперь другие их испытывают!

– Тут тьма народу. Почему ты прицепилась именно ко мне? – Карах наконец подобрал слова. Девушка даже в темноте увидела, как на скулах у него появились красные пятна.

– Так уж вышло, – призналась она. – Вы подошли, и мне хотелось, чтобы вы со мной заговорили, а вы отвергли мое предложение. Очень демонстративно, кстати.

Воцарилась неловкая пауза, за время которой Грейс успела заметить, что часть охотников исчезла. Остались только занятые своими делами близнецы, Дайре, ерошивший угли в костре, и эти двое. Не считая головы Александра, конечно.

Карах выдохнул:

– Хорошо. Отлично. Сяду здесь.

– Вот уж нет. Теперь я черта с два подвинусь!

Золотоволосый растерялся. По-настоящему растерялся: человек ты или нет, существа из любой вселенной, где есть понятие «неловкий момент», почувствуют себя не в своей тарелке, если смотреть им прямо в лицо (или туда, где оно должно быть) и подавать неожиданные реплики. Зато его друга это страшно развеселило, и он захлопал в ладоши с ухающими округлыми звуками. Дайре тоже захихикал, прикрыв рот рукой в перчатке с обрезанными пальцами. Он даже снял очки, на этот раз взглянув на Грейс с интересом.

– Мой друг – грубиян и невежа, – отсмеявшись, сказал когтистый. – Как и большинство представителей его вида. Простите его. Меня зовут Фраган, и мне очень понравилось, как вы поставили его на место.

– Усадила, – проворчал Карах, добавляя себе похлебки. Грейс заметила у него за поясом флейту, которую красавчик поправил, чтобы не впивалась в живот.

– Вам не нужно за него извиняться, – ответила Грейс. Она не улыбалась, что тоже, должно быть, сбивало с толку. Ну да, ну да, женщины же всегда улыбаются и отшучиваются! – А грубят не потому, что относятся к какому-то виду, а потому, что этого хотят. Ваш друг хотел, чтобы я почувствовала себя глупо.

– Ничего такого я не хотел! – возмутился Карах. – Да я тебя даже не заметил!

Непонятно, что было обиднее.

– «Нежные любовники» вообще не очень внимательные котятки, – заметил Дайре и сделал вид, что собирается погладить Караха по голове. Тот вяло увернулся. – И кто придумал им такое прозвище? Уверен, что любовник из тебя, дружок, так себе.

Карах закатил глаза, как человек, который слышал эту шутку тысячу раз.

– Кто такие «нежные любовники»? – спросила Грейс.

Ей не хотелось продолжать конфликт – она предпочла бы ближе познакомиться с новой семьей. Карах все еще дулся, но Фраган и Дайре охотно травили байки и перешучивались. Они-то и рассказали, что «любовники» бродят по лощинам, курят трубку и наигрывают на флейте. Внешне они все невероятно хороши собой, и любая девушка, услышав чудесную мелодию, не

может устоять перед их обаянием. Обольстив девушку, сородичи Караха исчезают, как это водится у подлецов. Брошенные же девушки так тоскуют по своим волшебным возлюбленным, что чахнут и умирают от одиночества.

История вышла бы более драматичной, если бы Карах так не чавкал похлебкой, а потом не выскреб всю подливу и не облизал ложку.

– Перчатки тоже часть образа? – спросила Грейс. – Чтобы подарить девушке на память или как?

– Нет, – ответил Карах, отставив миску. На этот раз он заглянул собеседнице прямо в лицо, и искры от костра вспыхнули в его зрачках. – Просто не люблю, когда ко мне прикасаются.

– Фраган же только что сказал...

– Он сказал, что «нежные любовники» нравятся девушкам. Что думают об этом сами «любовники», он не уточнял.

Когтистый улыбнулся, и Грейс заметила, что зубы у него тоже черные. Она собиралась спросить, кто он сам такой, но не была уверена, что этот вопрос уместен.

Над головой плыло бархатное небо, усыпанное стеклянными звездами. Она не заметила, когда наступила ночь. Синеву разбавлял только едкий дым от костра, а рыжие языки пламени подскакивали вверх так высоко, словно стремились подпалить парочку звезд. Все сидели молча, протянув руки к огню. Грейс вспомнила, как Вивиан запретила ей есть еду троллей, пригрозив, что если она отведаст пищу чужого мира, то должна будет остаться в нем навсегда. Что ж, похоже, в Дикой Охоте ей придется задержаться.

Дайре о чем-то тихо попросил Караха, на сей раз без ужимок. Угрюмый красавчик достал из-за пояса флейту и поднес к губам. Грейс слегка дернулась, но когти Фрагана успокаивающе поскребли ей по плечу. Они с Дайре негромко рассмеялись, и Грейс расслабилась.

Когда Карах начал играть, она внезапно поняла тех девушек, которые (наверное) чахли по нему от тоски. Никогда прежде не приходилось ей слышать такую прозрачную гармонию. Эта мелодия была незнакомой, но, казалось, рассказывала, как они сидят у огня под теплым ночным небом, немного сонные и размякшие от горячей еды, как ладони печет жар пламени, а на сердце беспокойно...

Еще флейта пела о каждом по отдельности, и Грейс лучше узнавала тех, кто сидел рядом. Вот Дайре – жидкий огонь и взрывная волна, костер, согревающий руки, и лесной пожар, выжигающий мир до черного остова. А вот Фраган – легкий и веселый, жизнерадостный и верный. Вот Александр, грустный от потери друга, разорванный на части, но негибемый и решительный.

А потом Грейс услышала себя. Ее мелодия была совсем короткой – Карах знал ее плохо. Но, выдав несколько резких нот, он выправился и сыграл что-то ясное и чистое. Мотив казался простым, но достаточно приятным, чтобы не раздражать и не въедаться в голову. Грейс ждала, что в конце золотоволосый сыграет о себе, но он оборвал музыку и сладко зевнул.

– Мы проводим тебя, – предложил Фраган.

Грейс любила просыпаться в залитой светом комнате, когда щеки согревают рассветные лучи, а если прищуриться, перед носом пляшут огненные шары. Поэтому больше всего она боялась, что в этом мире не будет солнечного утра. К счастью, она ошиблась.

Когда она открыла глаза, неяркий свет пробивался сквозь занавески. От постельного белья хрустко пахло сонной свежестью, а одеяло издавало приятный шорох. Минуту или две Грейс лежала неподвижно, не вставая, прислушиваясь к своим ощущениям. Теперь у нее ничего не болело, разве что кожу слегка саднило от ветра и костра.

Вчера после посиделок они вернулись в отель тем же путем, что и пришли сюда – отыскали прямо в лесу дверь и вышли в холл к стойке регистрации. Там их встретил Диан Кехт, который сказал Грейс, что как раз нашел ей свободную комнату. Он хотел забрать у нее голову Александра, но девушка заверила, что позаботится о нем: захватит с собой и просто сунет куда-нибудь в шкаф.

Номер, который нашел ей Диан Кехт, находился через одну дверь от его собственного и был самой обыкновенной комнатой: кремовые обои, двухместная кровать с покрывалом без единой складочки, шкаф, стул, кресло, стол с аккуратно расставленными на нем стаканами и чашками, кофе-машина с капсулами и бутылка воды. В шкафу обнаружился сейф с паролем, куда предлагалось положить ценные вещи. У Грейс не было ценных вещей, за исключением головы Александра, но она бы туда не поместилась. Еще в номере имелось окно, но за ним стояла такая темнота, что невозможно было ничего рассмотреть.

Этим утром Александр мирно дремал в кресле рядом с кроватью. Было в этом что-то уютное. Грейс потянулась к брошенным на стуле джинсам и вытряхнула оттуда телефон, о котором успела забыть. Повертела его в руках – обычный недорогой гаджет, мало чем отличающийся от привычных устройств из ее мира. Только здесь не было логотипа и отверстия для сим-карты.

Включился телефон без заставки – просто выплюнул на белый экран несколько десятков незнакомых иконок без подписей. Грейс наугад ткнула в несколько, но все время попадала в неизвестные приложения с непонятными функциями. Скоро ей надоело экспериментировать наугад, она отложила телефон и обернулась. Оказалось, из кресла ее внимательно рассматривала пара серых глаз.

– Зачем ты положила меня на бок? – спросил Александр.

– Мне показалось, так тебе будет уютнее спать.

Она даже подложила ему подушку. Хотела укрыть, но побоялась, что задохнется. Умереть здесь, очевидно, непросто, но, раз он может фыркать и смеяться, значит, какая-то циркуляция воздуха внутри головы происходит.

– Это странно, – заметил Александр, пытаясь сдуть косичку, упавшую на лицо.

– Разве? – Грейс повернулась к нему, подложив под голову локоть. – А мне кажется, что жить в этом отеле вообще странно. Он такой... обычный. Это-то и сбивает с толку.

– О, не беспокойся, комната подстроится под тебя, если попросить. Они меняются в зависимости от того, кто в них обитает. Например, Гидеон умудрялся засрать любое пространство, где оказывался. Мне казалось, он порог не успевал переступить, как внутри собирался хлам...

– Ты скучаешь по нему?

Грейс и сама не знала, почему задала этот вопрос. Просто она видела Александра в компании Гидеона гораздо чаще, чем одного. Может, они были просто напарниками или как тут это называется, а может, их объединяло что-то большее.

Удивительно, но за все время, что она тут находилась, никто и словом не обмолвился о Гидеоне: не спросил, где он, не выразил сожаления о том, что его нет у костра, но и не проклинал за предательство. Если бы не Диан Кехт, который помог Грейс закрыть дверь комнаты бывшего соратника, она бы подумала, что того тут вообще никто не помнит.

– Он никому не нравился, – ответил Александр после долгой паузы. – Характер у него был так себе, а еще Гидеон был, скажем прямо, туповат. Самовлюбленный придурок без особых талантов. Все, что ему отсыпала судьба, – симпатичная мордашка. Но у таких, как он, этого добра навалом...

У Грейс не было причин симпатизировать отцу Рауля. У Александра, который лишился из-за него головы, – тем более. Но в его голосе не слышалось ни обиды, ни ненависти, только горечь.

– Вы были друзьями?

– Тут не бывает друзей, – резко ответил собеседник. – Ты в этом скоро убедишься. Просто меня Гидеон бесил меньше, чем других. Он умел рассмешить и никогда не проявлял жадности.

От такой откровенности Грейс стало неловко. Она выбралась из-под одеяла и отправилась переодеваться в ванную. Вчера на кровати она нашла белую хлопковую пижаму и поблагодарила отель за гостеприимство. Грейс понятия не имела, как это делается правильно, и просто произнесла благодарность вслух. Ничего особенного не произошло, только мигнули прикроватные лампы.

Бытовая возня ее успокоила, а простой разговор с Александром о том, где взять новую одежду (в шкафу) и что сделать, чтобы постирать старую (положить в пакет для стирки), неожиданно сблизил их. Она даже спросила у него, что делать, если начнутся месячные, на что получила довольно странный ответ:

– Не начнутся.

Грейс выглянула из ванной. Собеседник казался спокойным и совершенно не смущенным.

– В каком смысле?

– Здесь у мужчин нет семени, а у женщин не бывает крови. Разберешься по ходу дела.

– Отлично! Вот теперь мне неловко.

– Ты же хотела, чтобы неловко стало мне, когда задала этот вопрос, – улыбнулся Александр. Если бы у него были плечи, он бы пожал ими.

– Вот сейчас как вымою твои косички! – пригрозила Грейс и внезапно подумала, что действительно было бы неплохо заняться его прической.

Но сначала – завтрак. Даже странно, как быстро на нее тут напал голод. Только накануне вечером у костра она с аппетитом умяла несколько порций овощной похлебки, и уже снова тянуло перекусить.

Ванная была заставлена маленькими флакончиками с шампунями и гелями для душа, возле раковины лежал набор из зубной щетки и пасты. В шкафу Грейс действительно нашла одежду – такую же, какую она обычно носила: худи, футболки, свитшоты... Она выбрала серую майку и накинула сверху клетчатую рубашку, влезла в джинсы и кроссовки. Волнистые волосы достаточно было взбить пальцами и собрать в пучок, чтобы не мешались. Она попыталась свериться с погодой за окном, но это оказалось похожим на попытку посмотреть на фотообои. Пейзаж скрывался под плотным туманом, вдали проступали только смутные очертания не то зданий, не то деревьев, да еще внизу виднелся кусок дороги. Выглядело это жутковато.

Грейс вздохнула и прижалась лбом к стеклу. Внезапно на душе стало тяжело. Что она тут делает? Что будет дальше? Приятно было думать об одежде, о зубной щетке и шампуне со сладким медовым запахом – практичных, земных вещах, которые не давали ей окончательно съехать с катушек. Но где-то там далеко оставалась мама, по-прежнему запертая в одном теле с братом-маньяком... Что ж, по крайней мере, теперь Грейс точно знала, что Лора жива.

Нужно поговорить об этом с Диким Охотником, убедить его отыскать Томаса. Ведь он оскорбил Охоту или что-то в этом духе. По крайней мере, Гидеон точно провинился перед сотоварищами. А если отыскать его, то и сын окажется рядом. Главное, чтобы его не попытались убить. А если он потребует что-то взамен на свободу Лоры? Что Грейс может ему дать?

Разболелась голова. Вот так: месячных тут нет, но голова будет болеть, как раньше.

– Я даже не знаю, по погоде ли оделась, – пожаловалась она.

– Зависит от того, на кого будет охота... Эй, Грейс!

Она повернулась. Александр смотрел серьезно и почти сочувственно.

– Я понимаю, что на тебя разом все это свалилось. Но ты привыкнешь, честное слово. Тут не так уж плохо, не обращай внимания, что я тебе наговорил. Сейчас пойдем завтракать, ты ведь наверняка умираешь от голода. Только один совет дам, ладно?

Грейс подняла брови, показывая, что слушает.

– Держись подальше от Диана Кехта.

Глава VII

ВИВИАН

Душ – это двадцать потерянных минут, за которые Сурт успеет ее найти, если уловки Эйры не сработают. Но Вивиан все равно не смогла отказать себе в этом. Если не смыть с себя часы, проведенные в заточении, они так и останутся на теле, как жирная пленка.

Горячие струи кололи кожу, кольцо слабо пульсировало на пальце, словно второе сердце. На несколько минут беглянка позволила себе не думать о том, что будет дальше. Лишь закрыв краны и встав босыми ногами на полотенце, она выдохнула и впустила в себя действительность.

Дом был тихим. Таким он бывал почти всегда, когда она жила здесь одна, но с появлением Грейс все изменилось. Поначалу присутствие племянницы раздражало, как осиное гнездо под крышей. Но потом Вивиан привыкла, и теперь дом без девчонки казался пустым. Вдобавок он выглядел странно: многие вещи лежали не на своих местах, как будто здесь побывали чужие. Вломились грабители? Но входная дверь заперта, окна тоже...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.